

Поярков Ф. В.,
Каракиргизские
легенды, сказки
и верования.

Пизетск, 1899 г.

91.

КАРАКИРГИЗСКІЯ ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ И ВѢРОВАНІЯ.

Содержаніе: *Легенды* о происхожденіи мелвѣдя, лисницы и обезьяны. О происхожденіи лягушки. О змѣѣ. О змѣѣ и ласточкѣ. О черепахѣ. О собакѣ. О лошади. О верблюдѣ. О павлинѣ. О стрижахѣ. О синицѣ. Обѣ атайкѣ. О шелковичномъ червѣ. О пчелѣ. О происхожденіи чорта. О животныхъ въ раю. О превращеніи мужа и жены. Обѣ осадѣ Ходжента и обѣ одноглазомъ чловѣкѣ.

Сказки: О кукушкѣ. О сорокѣ О двухъ скупыхъ.

Представленія и вѣрованія: о солнцѣ, лунѣ, падающихъ звѣздахъ, землѣ, обѣ огнѣ, водѣ,—о деревьяхъ и въ частности обѣ аса муса и арчѣ (верескѣ), о мѣталлахъ и въ частности о мѣди, о соли, табакѣ и чаѣ.

Представленія и вѣрованія о болѣзняхъ: перемежной лихорадкѣ, эпидемической болѣзни вообще, головной боли (?), обѣ оспѣ, гноетеченіи изъ ушей, пляскѣ св. Витта, костоѣдѣ, сифилисѣ и проч.

Представленія и вѣрованія о мнимоумершихъ и о смерти.

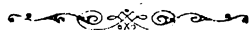
МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собранныя мною каракиргизскія легенды, сказки и вѣрованія относятся исключительно къ каракиргизамъ загорныхъ волостей—главнымъ образомъ Джумгальской, Сусамырской и Нарынской волостей Пишпекскаго уѣзда и отчасти къ каракиргизамъ Саяковской волости Андижанскаго уѣзда.—Каракиргизы загорныхъ волостей, живя и до сихъ поръ изолированно, рѣдко приходя въ соприкосновеніе съ русскими и др., въ наибольшей чистотѣ сохранили свои вѣрованія и легенды, они и до настоящаго времени живутъ своею самобытною жизнью, на нихъ мало еще оказали вліянія какъ прошлое, господствующее, русское населеніе, такъ и сарты. Хотя послѣдніе съ нѣкотораго времени начинаютъ все болѣе и болѣе къ нимъ проникать и внѣдрять въ нихъ мусульманство. Сарты и другіе выходцы изъ Бухары, Ферганы нерѣдко подъ видомъ торговцевъ, являются самыми яркими насадителями и распространителями магометанства, сообщая имъ по большей части превратныя и ложныя свѣдѣнія, между прочимъ и о русскомъ господствующемъ населеніи. Чтобы ослабить ихъ вредную пропаганду, необходимо, не откладывая далеко, въ самыхъ глухихъ мѣстахъ завести русско-киргизскія школы, обставить ихъ по возможности хорошими пособіями и послать туда русскихъ учителей—обеспечивъ послѣднихъ полнымъ содержаніемъ, чтобы въ эти школы могли пойти лучшія силы.—Кромѣ школъ слѣдуетъ увеличить число врачебныхъ пунктовъ, чтобы медицинская помощь, столь необходимая населенію, не была одной фикціей. Это два лучшихъ средства, при помощи которыхъ мы можемъ противопоставить и противодѣйствовать вліянію разныхъ выходцевъ изъ Ферганы и Бухары, проникнутыхъ фанатизмомъ своей религіи и настроенныхъ поэтому крайне враждебно противъ всего,

что „не есть мусульманское“.—Но и помимо указанных мною средств изученіе и при томъ самое широкое внутренней, духовной жизни подвластныхъ намъ народовъ должно составлять нашу прямую задачу. Только путемъ всесторонняго изученія нашихъ инородцевъ мы можемъ понять и удовлетворить ихъ нужды, и скорѣе прійти къ нимъ на помощь, а отъ этого только всё будутъ въ выигрышѣ. Наша сила въ широкомъ распространеніи просвѣщенія между инородцами и всестороннемъ и глубокомъ изученіи ихъ самихъ. Мѣстные дѣятели не должны оставаться индифферентными и равнодушными къ столь великой задачѣ, имъ предстоящей: въ этомъ только вѣрный залогъ благоденствія и процвѣтанія родины и края.

Иванъ — Иванъ

4

О происхожденіи медвѣдя, лисицы и обезьяны.

Вскорѣ послѣ сотворенія перваго человѣка Адамъ-ата и поселенія его въ раю „бегиншъ“, Богъ сотворилъ еще нѣсколько царь людей, которыхъ также поселилъ въ томъ же раю вмѣстѣ съ Адамомъ, приказавъ, чтобы послѣ сотворенные имъ люди повиновались и слушались во всемъ Адамъ-ата. Долго жили они въ мирѣ и согласіи между собою, Адама почитали и не выходили изъ повиновенія ему. Въ одно утро ангель возвѣстилъ Адаму: Богъ приказываетъ ему собрать всѣхъ живущихъ въ раю людей и чтобы они общими силами очистили бы рай, а также выдергали бы всѣ сорныя травы и нѣкоторыя засохшія деревья. Богъ приказалъ это сдѣлать для того, чтобы исцѣлать, насколько будутъ повиноваться и слушаться его сотворенные имъ люди. Во время работы ангель приказалъ Адаму выдернуть одно большое засохшее дерево, Адамъ не въ силахъ былъ выдернуть это дерево и позвалъ къ себѣ на помощь одного человѣка, изъ послѣ уже сотворенныхъ Богомъ, считавшагося въ раю за самаго сильнаго и крѣпкаго, но не расторопнаго, не поворотливаго и вялаго. На зовъ Адама человѣкъ этотъ отвѣчалъ ему, что ты также какъ и я сотворенъ Богомъ и долженъ имѣть одинаковую со мной силу, при томъ садомъ мы пользуемся наравнѣ другъ съ другомъ, да пока я и дойду, такъ ты самъ въ это время уже успѣешь выдернуть дерево. Сатана, подслушавши такой отвѣтъ, еще шепнулъ на ухо этому человѣку „скажи еще, что тебѣ холодно и ты замерзъ, а пусть тебѣ. Адаму, любимцу Бога, поможетъ ничего недѣлающей, а только распоряжающейся ангель“. Богъ, услышавши такія слова отъ этого человѣка, обратилъ его за непокорность волѣ Господа въ медвѣдя, покрывъ все тѣло его густою шерстію, оставивъ ему ту-же силу и ту-же неповорогливую и вялую походку, прибавивъ къ этому только трусость, но ума не отнял у него, — почему медвѣдь у каракиргизовъ и считается такимъ умнымъ. — Жена этого непокорнаго человѣка считалась въ раю самой красивой женщиной, но хитрой и капризной. Услышавъ приказаніе отъ Адама, занятая очисткой, она только усмѣхнулась про себя, легла подъ одинъ кустъ и сказалась больной. Едва только растянулась она подъ кустомъ, какъ къ ней подвернулся сатана, который похвалилъ ее за такое ея поведеніе и еще болѣе сталъ убѣждать, чтобы она не измѣняла своего рѣшенія. Женщина съ сердцемъ прогнала сатану, говоря: „я сама лучше тебя знаю, что дѣлаю, убирайся, меня нечего учить“. Сатана хотя и струсилъ, но остался доволенъ ея такимъ отвѣтомъ, отошелъ отъ нея, говоря про себя „тутъ мнѣ дѣйстви-

тельно нечего дѣлать“. На вторичное приказаніе этой женщины, чтобы шла она на работу, она не пошла, повторяя, что она больна и не можетъ поэтому идти на работу. Едва она успѣла проговорить эти слова, какъ по волѣ Творца была обращена въ лисицу и надѣлена мягкимъ пушистымъ мѣхомъ, образовавшимся постепенно изъ ея волосъ на головѣ, которые были когда-то мягкими, какъ шелкъ. Бывшія въ этой женщины хитрость и лукавство Богъ оставилъ и въ превращенной имъ лисицѣ, почему послѣдняя на всегда и осталась такою. Превращена эта женщина Богомъ въ лисицу и сдѣлана меньше противу медвѣдя потому, чтобы, по обращеніи этой пары людей въ звѣрей, они не могли соединиться и жить опять вмѣстѣ, послѣ того, какъ они будутъ изгнаны изъ рая. Дочь этой же пары людей, стоя у чистаго и свѣтлаго ручья, глядѣла въ него и любовалась своей красотой, когда подошелъ къ ней ангелъ и сказалъ: „что ты тутъ дѣлаешь, отчего нейдешь на работу, тебѣ назначенную“. Она посмотрѣла на ангела, сдѣлала гримасу и сказала „я нисколько не хуже тебя и также, какъ и ты, ничего не дѣлая, могу сама распорядиться, могу слѣдить за всякимъ и приказывать“ и начала передразнивать стоявшаго около нея ангела, какъ онъ повелѣваетъ и приказываетъ, и хотѣла уже идти, чтобы показать на дѣлѣ, какъ она сама будетъ дѣлать и исполнять тоже самое, что дѣлалъ и приказывалъ другимъ ангелъ. Но лишь только она повернулась, какъ Господь Богъ обратилъ ее въ обезьяну, надѣливъ ее получеловѣческимъ лицомъ и длинными передними ногами, и заставилъ также ходить на четверенькахъ, причемъ объявилъ свою волю, что передразниванье дѣйствиіи человѣка навсегда останется за обезьяной, и всѣхъ трехъ выгналъ изъ рая, чтобы они не портили и не пакостили рая, и между прочимъ медвѣдя выгналъ еще и потому, чтобы онъ, благодаря своей большой силѣ, не обижалъ человѣка и другихъ мелкихъ тварей, а лисицу, чтобы она не рыла себѣ норъ подъ дорогими деревьями и тѣмъ не причинила бы имъ вреда, а обезьяну—чтобы она своимъ кривляньемъ и гримасами не ввела въ искушеніе и соблазнъ другихъ болѣе молодыхъ женщинъ и неопытныхъ дѣвицъ, да кромѣ того она не только употребила одну хитрость, чтобы избавиться отъ работы, но еще и посмѣялась надъ посланникомъ Божиимъ. Обезьяна послѣ того, какъ выгнана была изъ рая, сейчасъ же вспрыгнула на дерево и закричала человѣческимъ голосомъ „что взяли съ меня, я теперь стала еще красивѣе и лучше“. Господь Богъ всѣхъ троихъ тогда лишилъ дара слова.

Шкуры медвѣдя и лисицы считаются въ почетѣ у каракиргизовъ, потому что тѣ люди, отъ которыхъ произошли эти животныя, мѣсте

виновны передъ Господомъ Богомъ, а шкура обезьяны считается поганой, такъ какъ дѣвица, отъ которой произошла обезьяна, болѣе виновна передъ Богомъ, потому что она не только ослушалась его воли, какъ и ея отецъ и мать, но еще и насмѣялась въ лицѣ ангела надъ самимъ Господомъ. Шкура медвѣдя у каракиргизовъ считается цѣлебнымъ средствомъ: у кого заболитъ поясница, спина или появится ломота въ рукахъ, ногахъ или въ поясницѣ, того сажаютъ на медвѣжьешкуру или же больныя мѣста натираютъ ею. Хвостъ лисицы привѣшиваютъ въ первыя шесть недѣль къ люлькѣ новорожденныхъ, исходя изъ того повѣрья, что дьяволъ боится лисицы, почему не подойдетъ къ люлькѣ и тѣмъ не причинитъ вреда новорожденному. Обычай этотъ и теперь соблюдается у каракиргизовъ. — Записана эта легенда со словъ каракиргизовъ Саяковской волости Андиджанскаго уѣзда.

О происхожденіи лягушки (Куль-бака). ①

У пророка Магомета была въ услуженіи дѣвица по имени Захрія-кызъ, въ которую влюбился Сулейманъ-пророкъ. Онъ до того былъ цѣненъ ея красотою, что рѣшился засватать ее у пророка Магомета, но передъ тѣмъ какъ Сулейманъ задумалъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, ночью во снѣ ему явился ангелъ и сказалъ, что избранная имъ дѣвица недостойна быть его женой, а чтобы онъ удостоверился, то утромъ рано пусть пойдетъ въ садъ, гдѣ онъ своими глазами увидитъ, что дѣвица эта имѣетъ любовную связь съ однимъ богатыремъ (батыремъ). Сулейманъ какъ только проснулся сейчасъ же побѣжалъ въ садъ и дѣйствительно засталъ избранную имъ дѣвицу съ ея любовникомъ, и въ огорченіи сталъ просить у Бога для обоихъ наказанія, говоря: что если такая красавица досталась ему, такъ пусть же никому не достается. Богъ услышалъ просьбу пророка Сулеймана, спросилъ его, какъ онъ желаетъ, чтобы преступная красавица и ея возлюбленный были наказаны. Тогда огорченный пророкъ сказалъ, чтобы дѣвица обращена была въ лягушку, а богатырь, любовникъ ея, сталъ бы мужемъ кукушки (по имени Чингорча — самая маленькая птичка). — Богъ исполнилъ просьбу благочестиваго Сулеймана, дѣвицу-красавицу обратилъ въ лягушку, а ея сожителя сдѣлалъ мужемъ кукушки. Съ тѣхъ поръ лягушка и чингорча сдѣлались между собою самыми злѣйшими и непримиримыми врагами. Если гдѣ сидѣла лягушка и на то же мѣсто вскорѣ послѣ нея сядетъ чингорча, то послѣдній будто

бы издыхаетъ, если же чингорча первый увидитъ лягушку, то онъ стремительно и съ ожесточеніемъ бросается на нее и выклеиваетъ ей только одни глаза, а болѣе ничего не трогаетъ, считая мясо ея поганымъ и печистымъ. Народъ же въ образѣ ихъ видитъ людей, тяжело провинившихся когда то передъ Богомъ и пророкомъ и понесшихъ поэтому заслуженное и достойное наказаніе, и съ отвращеніемъ и омерзевеніемъ смотритъ какъ на лягушку, такъ и на чингорча. — (Записана со словъ тѣхъ же каракиргизовъ и той же волости).

Вторая легенда о лягушкѣ.

Святой Дауръ (Давидъ) влюбился въ одну дѣвицу чѣдвой красоты, прельстился ею и вошелъ съ нею въ связь. Законныя жены Даура, узнавъ объ этомъ, возронтали и стали просить Бога, чтобы онъ наказалъ разрушительницу и разстройщицу ихъ счастливой до этого времени семейной жизни. Богъ внявъ молитвѣ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ женъ и красавицу-дѣвушку обратилъ въ лягушку. Дѣвица эта между прочимъ давала о себѣ знать Давиду каждый разъ условленнымъ между нимъ звукомъ, похожимъ близко на кваканье лягушки, который и издавала три раза. Желая однажды залучить къ себѣ Давида, она проквакала два раза и хотѣла сдѣлать это уже въ третій разъ, какъ была обращена въ лягушку, почему Богъ въ наказаніе такъ и оставилъ ее навсегда квакать. Давидъ, придя на назначенное мѣсто, вмѣсто красавицы-дѣвушки увидалъ большую безобразную лягушку, которую и велѣлъ выбросить немедленно въ болото. Лягушка поклялась за это мстить людямъ, и хотя она не кусаетъ человѣка, но каракиргизы считаютъ ея отдѣленія ядовитыми. Такъ какъ лягушки по преимуществу водятся въ болотахъ, то воду эту, по повѣрью каракиргизовъ, пить нельзя, такъ какъ она заражаетъ ее своими изверженіями, убивать ее также считается у нихъ грѣхомъ, почему она у нихъ и не употребляется ни въ какое лекарство. Если увидятъ, что лягушка сидитъ на какой либо твердой пищѣ, то послѣдняя выбрасывается, а если она очутится въ жидкой пищѣ, то таковая вываливается, а нѣкоторые изъ боязни зарываютъ даже въ землю, боясь, чтобы какое либо животное не поѣло и не полизало бы этой пищи, и такимъ образомъ не могло бы само заразиться и тѣмъ передать заразу или лядъ человѣку какъ чрезъ молоко свое, такъ и чрезъ непосредственное соприкосновеніе или лизанье, отчего у человѣка могутъ приключиться

различныя болѣзни, а главнымъ образомъ такимъ путемъ развиваются опухоли и нерѣдко сумасшествіе.

Третья легенда о лягушкѣ.

По этой легендѣ — лягушка произошла отъ одной изъ дочерей Адама и Евы. Дочь эта, бывши въ раю, начала передразнивать ангела „квакая“. Ангелъ сталъ ее предостерегать, чтобы она не дѣлала этого, такъ какъ за это можетъ постигнуть ее гнѣвъ Божій, но она продолжала передразнивать, послѣ третьяго предостереженія ангелъ по волѣ Творца обратилъ непокорную дѣвушку въ лягушку — самое отвратительное созданіе. Какъ она была голою, когда застигла ее кара Божія, такъ и осталась голою и по обращеніи ея въ лягушку.

О черепахѣ (Ташь-бака).

Въ раю Богъ приставилъ одного человѣка завѣдывать вѣсами, приказавъ ему строго чрезъ ангела, чтобы онъ исполнялъ свою обязанность добросовѣтно: никого не обмѣривалъ и не обвѣшивалъ бы, въ противномъ случаѣ его постигнетъ тяжкое наказаніе. Приставленный человѣкъ сначала исполнялъ свою обязанность какъ слѣдуетъ, боясь гнѣва Божія, но съ теченіемъ времени имъ овладѣло корыстолюбіе: онъ сталъ обмѣривать и обвѣшивать людей и послѣдніе стали жаловаться и роптать на несправедливость своего вѣсовщика. Жалобы ихъ дошли до Бога: что въ раю безпорядки. Два раза Богъ посылалъ ангела, чтобы онъ предостерегъ вѣсовщика и внушилъ бы ему не обижать людей, послѣдній каждый разъ внималъ голосу вѣстника Божія, но ненадолго. Дьяволъ же внушалъ ему заманчивыя мысли о богатствѣ и силѣ, которую онъ будетъ имѣть, когда разбогатѣетъ, и онъ продолжалъ обмѣривать и обвѣшивать. Послѣ третьяго предостереженія, Богъ, видя, что нѣтъ надежды на исправленіе вѣсовщика, выгналъ его изъ рая и обратилъ въ черепаху, накрывъ все тѣло, сверху и снизу, плотными и крѣпкими чашками или тарелками отъ вѣсовъ. Такъ какъ обращенный въ черепаху человѣкъ между прочимъ любилъ молоко и имъ особенно много обмѣривалъ людей, то Богъ въ наказаніе, обращая его въ черепаху, въ память о прошлой ея жизни, далъ ей возможность высасывать только лежащихъ коровъ, козловъ,

барановъ и верблюдовъ, у которыхъ отъ этого будто-бы болятъ и лопаются соски. — (Записана со словъ каракиргизовъ Джумгальской волости).

О змѣѣ (Джиланъ).

По приказанію Бога входъ въ рай оберегалъ, исключительно для этого приставленный, большой и красивый звѣрь, имѣвшій тридцать четыре ноги. Звѣрь этотъ по настоятельной и неотступной просьбѣ дьявола пустилъ его въ рай, отчего произошло много бѣдъ людямъ, и Богъ, въ наказаніе, обратилъ этого звѣря въ змѣю, лишивъ ее ногъ и возможности питаться обыкновенной пищей. Дьяволь-же, въ благодарность за оказанную ему услугу, указалъ змѣѣ питаться по преимуществу кровью какъ человѣка, такъ и разныхъ животныхъ. По понятіямъ каракиргизовъ змѣи питаются только тѣмъ, что высасываютъ кровь у людей и животныхъ, ногъ не имѣютъ.

О змѣѣ и ласточкѣ

(по каракиргизски ласточка Чаблекей, по киргизски и тюркски Карлылгачъ).

Послѣ всемірнаго потопа, долго змѣя никакъ не могла найти себѣ вкусной и сладкой пищи и чувствовала голодь. Въ такомъ безпомощномъ положеніи она обратилась къ своему старому пріятелю — дьяволу съ просьбой, — указать ей такую пищу. Дьяволь сказалъ ей, что кровь человѣка самая сладкая и вкусная пища. Но такъ какъ послѣ потопа людей было еще слишкомъ мало, а Богъ желалъ, чтобы они по возможности скорѣе размножились, то съ цѣлью предохраненія отъ угрожающей людямъ опасности, Господь послалъ на землю ангела, который указалъ змѣѣ, что кровь ласточки и мясо ея еще болѣе вкусно и слаще нежели кровь и мясо человѣка. Змѣя послушалась совѣта ангела и вознамѣрилась отвѣдать крови ласточки и ея мяса и подползла къ ней, чтобы ужалить ее. Ласточка, увидѣвши змѣю и зная о ея намѣреніи, сказала змѣѣ, чтобы она высунула и показала ей свой языкъ, она, ласточка, посмотритъ — можетъ-ли змѣя своимъ языкомъ и зубами проколоть хотя нѣжное ея, ласточки, мясо, но покрытое весьма твердой шкурой и плотными и при томъ колючими острыми перьями. — Змѣя, не подозрѣвая хитрости ласточки, высунула ей языкъ, ласточка

съ необыкновенною быстротою выдернула у ней жало и выклевала глаза. Съ этихъ поръ, по понятіямъ каракиргизовъ, змѣя не имѣетъ настоящаго жала, а существующее теперь у ней жало есть небольшой остатокъ ранѣе бывшаго, а у желтыхъ змѣй жало совсѣмъ еросло съ языкомъ, кусаютъ же змѣи теперь зубами. Съ того времени идетъ большая вражда между ласточкой и змѣей, и если послѣдняя пребывается въ гнѣздо ласточки, то самецъ или самка, сидящіе на яйцахъ или оберегающіе и окарауливающіе своихъ дѣтенышей, завиди подползающую змѣю, быстро набрасываются на нее и выклеваютъ ей глаза, и слѣпая змѣя обратно уползаетъ и издыхаетъ, не находя себѣ пищи, или подвергается при этомъ истребленію другихъ хищныхъ птицъ или же съѣдается муравьями. Кромѣ того, ласточка, зная объ опасности, ей угрожающей со стороны змѣи, изъ предосторожности дѣлаетъ себѣ гнѣзда ближе къ жилью человѣческому, куда змѣи могутъ менѣе проникать. По повѣрью каракиргизовъ ласточка хотя и не запрещена Богомъ употреблять ее въ пищу и считается у нихъ не поганой птицей, но они не ѣдятъ ее, исходя изъ того убѣжденія, что ласточка ранѣе избавила человѣка отъ укуса змѣи. Каракиргизы, какъ они сами говорятъ, дѣйствительно никогда не убиваютъ ласточекъ и не разоряютъ гнѣздъ ихъ, что строго запрещаютъ дѣлать и своимъ дѣтямъ, а также ловить ихъ и вынимать яйца изъ ихъ гнѣздъ и прежде строго за это наказывали своихъ дѣтей. Даже во время голода считаютъ позволительнымъ все ѣсть, но только не ласточекъ. (Записана съ словъ каракиргизовъ Саяковской волости Андиганскаго уѣзда).

О собакѣ (итъ).

Происхожденіе собаки каракиргизы объясняютъ слѣдующимъ образомъ: однажды шайтанъ плюнулъ на землю и плевокъ его попалъ прямо на пупокъ человѣка, послѣдній сбросилъ илевокъ на землю, отъ этого-то плевка и произошла собака. Господь въ наказаніе шайтана далъ собакѣ разумъ и приказалъ ей служить и повиноваться человѣку. Не смотря на разумъ, данный собакѣ Господомъ, все же она у каракиргизовъ считается поганой, какъ произшедшая отъ плевка шайтана. Кромѣ того собака однажды укусила пророка Магомета, послѣдній ее за это совсѣмъ проклялъ и повелѣлъ ей питаться всякою падалью и испражненіями человѣка. Самое слово „собака“ у каракиргизовъ считается ругательнымъ словомъ, — назвать кого-либо „собакой“ это значитъ обругать и нанести такому человѣку тяжкое оскорбленіе

и обиду и почти приравнять его къ шайтану. Въ доброе старое время, посуду, которую собака полизала, каракиргизы выбрасывали и разбивали. (Записана въ Джумгальской волости).

О лошади.

Каракиргизы лошадь считаютъ другомъ человѣка на томъ основаніи, что ее Богъ сотворилъ изъ остатковъ той самой земли, изъ которой былъ сотворенъ и человѣкъ, почему Богъ ее и запретилъ употреблять въ пищу. Лошадь, по сотвореніи своемъ, стала рыть копытами своими землю, приготовленную Богомъ для созданія имъ изъ нея еще нѣкоторыхъ тварей и разбросала и разметала вею ее по сторонамъ, за что Господь и обрекъ ее на служеніе человѣку. До появленія пророка Магомета никто изъ людей, будто-бы, мясо лошади не употреблялъ въ пищу до слѣдующаго случая: пророкъ, бывши въ пустынѣ, сильно проголодался, всѣ запасы пищи у него вышли, голодъ мучилъ его нѣсколько дней, а ѣсть было совсѣмъ нечего, откуда-то взялась лошадь, которая прямо пришла къ нему и стала покорно возлѣ него. Столь неожиданное появленіе лошади въ пустынѣ и при томъ въ такомъ состояніи, въ какомъ находился святой пророкъ, Магометъ счелъ за особое къ себѣ благоволеніе Божіе и великую милость, ниспосланную ему свыше. Пророкъ тотчасъ же утолилъ свой голодъ этою лошадию и съ тѣхъ поръ мусульманамъ, будто-бы, разрѣшено разъ въ годъ ѣсть лошадиное мясо, но кочевники, въ томъ числѣ и каракиргизы, не соблюдаютъ этого обычая, а напротивъ они часто употребляютъ лошадиное мясо, которое, какъ это извѣстно и намъ, считается у нихъ однимъ изъ самыхъ лакомыхъ и желанныхъ кушаньевъ, которому они всегда рады. У каракиргизовъ есть повѣрье: что кто изъ нихъ хотя разъ въ годъ не поѣстъ лошадиного мяса и не поѣстъ кумысу, у того разстроится мозги и съ такимъ человѣкомъ можетъ случиться сумасшествіе. (Записана отъ каракиргизовъ Сусамырской волости, извѣстна и въ Джумгальской).

О верблюдѣ.

Богъ сотворилъ верблюда для помощи человѣку и для пищи, сотворилъ онъ его потому не только чистымъ, но и чистоплотнымъ и верблюдъ сначала имѣлъ такія же копыта, какъ и лошадь. Въ древнія

времена проѣзжалъ на верблюдѣ еврей и попросился ночевать въ домѣ къ одному мусульманину, у котораго въ домѣ жилъ святой Азретъ-султанъ, послѣдняго въ это время не было дома. По приходѣ святого, ему сказали, что въ отсутствіе его прѣсился ночевать еврей, но его не пустили, какъ кяфира. Услышавъ это, святой немедленно пустился догонять еврея, догнавши, сталъ усердно упрашивать его, чтобы онъ возвратился и переночевалъ у него. Еврей, не подозрѣвая, что передъ нимъ святой и чувствуя себя оскорбленнымъ, что его не пустили переночевать съ перваго раза, долго отказывался отъ приглашенія. Наконецъ послѣ многократныхъ упрашиваній со стороны святого, еврей предложилъ ему, чтобы онъ на рукахъ донесъ его вмѣстѣ съ верблюдомъ до своего дома. Святой, не надѣясь на свою силу, простеръ руки, прося Всевышняго даровать ему такую силу, чтобы онъ былъ въ состояніи исполнить просьбу путешественника. Богъ услышалъ его молитву. Въ это время верблюдъ безъ всякой видимой причины легъ на землю, еврей какъ не понуждалъ верблюда подняться и встать, послѣдній продолжалъ лежать, еврей былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ, подумалъ, что его верблюдъ заболѣлъ. Святой началъ просить Бога, чтобы онъ вмѣстѣ сего даровать верблюду мягкія широкія лапы, а чтобы онъ, святой, не могъ запачкать въ мочѣ верблюда, въ случаѣ если онъ помочится, себя и свою одежду, то чтобы отдѣленіе мочи у верблюда происходило снаружи и сзади, а не такъ какъ это происходитъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ. Все исполнилъ Богъ по просьбѣ праведника—у верблюда вдругъ появились вмѣстѣ сего широкія мягкія лапы и отдѣленіе мочи стало совершаться снаружи и сзади. Послѣ чего святой подлѣзъ подъ верблюда, поднялъ его и сидѣвшаго на немъ еврея и донесъ до дома, въ которомъ онъ жилъ. Еврей, видя все это, увѣровалъ въ святость мусульманской религіи и принялъ самъ такую. По возвращеніи домой родственники и знакомые начали просить еврея, чтобы онъ вновь возвратился къ прежней своей вѣрѣ, онъ исполнилъ ихъ просьбу и опять сталъ евреемъ. У каракиргизовъ есть пословица: „догугъ джугутъ баръ тувганъ“, т. е. свинья и жидъ близкіе родственники. (Записана со словъ каракиргизовъ Саяковской волости Андиганскаго уѣзда).

√ **О кукушкѣ** (Кукукъ).— Сказка.

Во времена оныя жилъ царь по имени Такъ-Судейманъ, слышій за великаго ученаго и въ то же время считавшійся кудесникомъ.

Узнавъ онъ, что у другого царя, по сосѣдству съ нимъ, звать котораго было Ердеша, есть дочь Мазмумъ чудной красоты, за которую Такъ-Сулейманъ вздумалъ свататься, но родители Мазмумъ не соглашались выдать за него своей дочери. Такъ-Сулейманъ собралъ тогда большое войско и пошелъ на царя Ердеша войною. Война продолжалась много лѣтъ съ переменнымъ счастьемъ, истощая силы обѣихъ царствъ и унося съ той и другой стороны много народу. Оба правителя, чтобы не уронить другъ передъ другомъ своего достоинства и значенія, съ упорствомъ продолжали вести войну. Подданные обѣихъ государствъ, видя, что конца войны невозможно предвидѣть, а о томъ, чтобы уговорить своихъ правителей прекратить такую, рѣшительно нечего и думать, согласились между собою общими силами, какънибудь, уговорить царевну Мазмумъ выдти замужъ за Такъ-Сулеймана. Царевна, жалѣя народъ, согласилась выдти замужъ за Такъ-Сулеймана, но сказала, что если Такъ-Сулейману предназначено свыше управлять своимъ царствомъ и дѣйствительно онъ владѣть даромъ мудреца, то пусть ей пришлетъ кого либо изъ пернатыхъ, чтобы посланная имъ птица могла его, Такъ-Сулеймана, извѣстить, когда она убѣжитъ изъ дома родительскаго и чтобы по крику ея онъ пришелъ на то самое мѣсто, въ которомъ она будетъ находиться, ожидая его. Это было передано Такъ-Сулейману, и онъ просилъ Бога, чтобы Всевышній далъ ему въ услуженіе одну изъ такихъ птицъ, которая выполнила бы такую задачу. Богъ услышалъ молитву Такъ-Сулеймана и за добрыя и богоугодныя дѣла его указалъ ему на кукушку. Была поймана кукушка, у которой, къ удивленію всѣхъ, оказался даръ слова. Такъ-Сулейманъ снова возблагодарилъ за милость и чудо ему явленный и подробно все изложилъ кукушкѣ, въ чемъ именно будетъ состоять ея служба и ея обязанности. Кукушка, выслушавъ все внимательно, сказала Такъ-Сулейману, что она готова ему услужить, но чтобы за ея услугу, онъ выпросилъ у Бога, чтобы дѣтей ея выводили и кормили другія птицы, а она бы сама не дѣлала себѣ даже и гнѣзда. Такъ-Сулейманъ сталъ вновь просить объ оказаніи такой милости, Богъ вторично услышалъ молитву праведника, согласился на его просьбу и черезъ посланнаго духа сказалъ Такъ-Сулейману: „отнынѣ кукушка будетъ нести свои яйца въ гнѣздахъ другихъ птицъ и эти же птицы будутъ выводить и кормить ея дѣтенышей и также она не будетъ знать заботы и труда устраивать себѣ гнѣзда, а будетъ только куковать“. —Послѣ чего Такъ-Сулейманъ выстроилъ для кукушки дорожку золотую клѣтку и съ почетомъ препроводилъ ее къ царевнѣ Мазмумъ, послѣдняя потихоньку отъ родителей приняла кукушку съ клѣткою,

а принесшихъ ее обратно отослала. Война между тѣмъ еще болѣе усилилась, тогда старики и почетные люди царства отца Мазмумы начали убѣдительно просить ее, чтобы она поскорѣе убѣжала и вышла замужъ за Такъ-Сулеймана и тѣмъ прекратила-бы убійственную и кровопролитную войну. Царевна Мазмумъ отвѣчала имъ, что она и сама находитъ, что время побѣга ея уже наступило и въ одно прекрасное время раненько утромъ исчезла изъ дому одна. Опасаясь, что служанки ея скоро хватятся и быстро обнаружатъ ея побѣгъ, о чемъ и дадутъ знать ея родителямъ, которые держали ее очень строго. Мазмумъ добѣжала до одной горы, усталая, измученная непривычною для нея скорой ходьбой, и не зная въ которомъ мѣстѣ находится Такъ-Сулейманъ, она выпустила изъ клѣтки кукушку, которая полетѣла въ лѣсъ и закуковала. Караульные доложили своему повелителю Такъ-Сулейману, что кукушка кукуетъ въ западной сторонѣ. Такъ-Сулейманъ, получивъ это извѣстiе, собралъ большую и блестящую свиту, состоящую изъ знатныхъ вельможъ и визирей и отправился въ ту сторону, въ которой куковала кукушка и здѣсь невдалекѣ нашелъ свою невѣсту Мазмумъ-ханымъ, которую взявъ, привезъ въ свой станъ и немедленно обвинчался, объявивъ при этомъ, что война кончена. Противникъ его царь Ердеша, узнавъ, что дочь его бѣжала къ его врагу, и хотя самолюбiе его и сильно при этомъ страдало, но видя, что силой теперь уже ничего не подѣлаешь, тоже прекратилъ войну и сталъ дѣлать добрыя дѣла и вести богоугодную жизнь, прося Бога возвратитъ ему его единственную дочь и наследницу. Послѣ усиленныхъ и долгихъ молитвъ Богъ смилостивился надъ нимъ и онъ обратно укралъ свою дочь. При чемъ Ердеша просилъ Бога, чтобы онъ назначилъ кукушкѣ куковать безчисленное число разъ въ день, если Такъ-Сулейманъ вздумаетъ еще какъ-нибудь взять его дочь Мазмумъ-ханымъ. Богъ, вслѣдствiе раскаянiя Ердеша, исполнилъ и эту просьбу. А кукушка и теперь кукуетъ не только рано утромъ, но во всякое время дня и при томъ безчисленное число разъ въ день.

Каракиргизы считаютъ эту сказку за дѣйствительное происшествiе, которое когда-то происходило на самомъ дѣлѣ. Кукушку каракиргизы хотя не считаютъ чистой птицей, а поганой, но убивать ее считаютъ грѣхомъ, потому что, по ихъ повѣрью, она была угодна Такъ-Сулейману—святому, ими особенно чтимому.—Сказка эта записана со словъ 75-ти лѣтняго каракиргиза Джунуса Садыбарова въ Джумгальской волости.

О павлинѣ (Стаусъ).

Павлинъ считается поганымъ. Богъ его выгналъ изъ райа за то, что будучи приставленъ окарауливать и оберегать входъ въ рай, павлинъ пропустилъ сатану показать ему рай. Мясо павлина не ѣдятъ, а перья выдергиваютъ или покупаютъ для украшенія головныхъ уборовъ своимъ женщинамъ. Перья не считаютъ погаными. (Записана въ Джумгалъской волости).

Стрижи (Бай-улы).

Въ давнія времена жилъ одинъ богатый и благочестивый человекъ. Какъ-то въ началѣ весны онъ послалъ своего работника разузнать мѣстность, на которую можно было-бы выгнать скотъ пасти. Работникъ этотъ былъ сердитъ на хозяина; поѣздивъ нѣкоторое время, онъ вернулся и сказалъ, что есть мѣстность Уркурь-бель, на которой уже нѣтъ снѣгу и гдѣ скотъ можетъ свободно пастись. Богачъ послалъ туда свои стада, но оказалось, что на указанной мѣстности лежалъ еще большой снѣгъ. Назадъ скотъ невозможно было гнать, такъ какъ въ первую же ночь, по прибытіи, выпало еще много снѣгу и къ утру сдѣлался сильный морозъ, и скотъ богача весь подохъ. Богачъ послѣ полученія непріятнаго извѣстія пришелъ въ сильную ярость и хотѣлъ побить своего работника, но послѣдній съ своей женой спрятался въ промежуткахъ (щеляхъ) старыхъ дуваловъ, такъ какъ болѣе ему некуда было спрятаться. Когда доложили богачу о томъ, куда спрятался работникъ съ своей женой, богачъ велѣлъ забить все щели въ дувалахъ и сакляхъ стѣнъ, чтобы онъ не могъ оттуда выдти, и раздавъ все свое имущество бѣднымъ, сталъ просить Бога, чтобы онъ наказалъ работника и жену его, обративъ ихъ въ стрижей (бай-улы) и чтобы они навсегда остались жить въ щеляхъ старыхъ дуваловъ. Богъ исполнилъ просьбу благочестиваго богача. Стрижи у каракиргизовъ считаются погаными. (Записана въ Джумгалъской волости).

О синицѣ.

Каракиргизы не любятъ синицу за то, что когда она поетъ, то какъ будто выходитъ „былтырь гысэ бивльда баръ“, т. е. прошло-

годніе и теперь еще есть (живы). Хотя синичка не почитается ни поганой, ни чистой, но каракиргизы ее не ѣдятъ и не убиваютъ, такъ какъ она безвредное существо. (Записана тамъ-же).

Атайка (Анырь).

У пророка Магомета была сноха (кемень). Однажды пророкъ совершалъ омовеніе (дареть), сноха въ это время стала противъ него и смотрѣла. Пророкъ взглянувши на нее и видя, что она и не думаетъ уходить или закрыться, чтобы не смотрѣть на него, сказалъ: „хій анырь будъ“, т. е. будъ ты атайкой. Сноха тотчасъ же превратилась въ атайку, снялась и полетѣла.

О сорокѣ (Саусканъ). (

(Сказка).

Въ древнія времена былъ ханъ по имени Азретъ-Султанъ, царствовавшій 70 лѣтъ, имѣвшій 70 тысячъ войска и покорившій 70 большихъ и малыхъ ханствъ. Однажды онъ поѣхалъ осмотрѣть свои обширныя владѣнія, и, между прочимъ, ему пришлось ѣхать черезъ одно большое, покоренное имъ, ханство, которое было тѣмъ замѣчательно, что всѣ женщины и дѣвицы славились въ немъ невыразимой и чудной красотой. Азретъ-Султанъ выразилъ желаніе взять себѣ въ жены одну изъ дѣвицъ этого ханства и отдать приказаніе, чтобы всѣ онѣ были выстроены въ рядъ на показъ, что было и исполнено. Всѣ дѣвушки знатныхъ вельможъ, бековъ, пансатовъ и асильзатовъ (дворянъ), нарядившись въ самые дорогіе и лучшіе свои наряды и украшенія, выстроились въ рядъ по пути слѣдованія султана, шеголяя каждая какъ своей удивительной красотой, такъ и дорогими нарядами и, въ ожиданіи пріѣзда султана, споря между собою знатностью и древностью своего рода и заслугами его. Спорили между собою и о томъ, какой изъ нихъ посчастливится быть женой хана, каждая изъ нихъ считала себя достойной этой чести, ни одной изъ нихъ не хотѣлось уступить этой чести и ни одна изъ нихъ не отказалась отъ желанія быть царицей; такими взаимными перебранками онѣ довели себя до большой и крупной ссоры. Но во время проѣзда ханъ былъ не въ духѣ и на выставленныхъ красавицъ не обратилъ никакого вниманія. Разойдясь по домамъ, какъ родители, такъ и дѣвицы были въ

большой печали, всё они доискивались причинъ такого невниманія и равнодушія къ нимъ. Когда Азретъ-Султанъ находился въ хорошемъ расположеніи духа, ему доложили, что какъ родители, такъ и дочери не только оскорблены, но находятся въ глубокомъ горѣ и большой печали, что онъ не выразилъ имъ никакого вниманія и не оцѣнилъ красоту дѣвицъ всего города, который считался столицею ханства. — Султанъ отвѣтилъ, что на обратномъ пути онъ поправитъ свою ошибку и непременно выберетъ себѣ жену изъ дѣвицъ этого города. Услышавъ объ этомъ красавицы еще больше начали готовиться къ выставкѣ, готовили себѣ еще болѣе дорогіе и роскошныя наряды, а подружки еще болѣе перессорились между собою, одна передъ другой выставляя себя и гордясь то своей красотой, то необыкновенными нарядами и драгоценными украшеніями, и каждая считала себя достойной быть султаншей и каждая изъ нихъ твердо была увѣрена и убѣждена, что ей то и суждено сдѣлаться подружкой жизни такого великаго правителя и царя, — отчего зависть и злость еще большія развились между ними. Простой же народъ не смѣлъ, конечно, и думать о такой высокой чести, чтобы дочери ихъ могли сдѣлаться женой Азретъ-Султана, хотя по красотѣ своей многія изъ нихъ превосходили дѣвицъ привилегированнаго званія. Ханъ послѣ нѣсколькихъ дней празднествъ и потѣхъ, выѣхалъ усталый и измученный, и на обратномъ пути встрѣтилъ прекрасную рѣчку съ берегами и дномъ, усыпанными мелкимъ желтымъ пескомъ и свѣтлой водой, возмѣлъ желаніе выкупаться и раздѣвшись снялъ съ пальца перстень-талисманъ, съ которымъ онъ никогда не разставался, такъ какъ въ этомъ талисманѣ заключалась вся тайна его жизни и успѣховъ, безъ него же онъ становился ничто. Перстень-талисманъ Азретъ-Султанъ положилъ на берегу и едва только влѣзъ въ воду, какъ въ это время какая-то рыба схватила перстень съ берега и быстро скрылась съ нимъ въ рѣку. Выйдя изъ воды, Азретъ-Султанъ сдѣлался самымъ простымъ и обыкновеннымъ человекомъ: онъ оказался безъ войска, безъ полководцевъ и совѣтъ нельзя было узнать, что когда-то это былъ могущественный и сильный царь, у него даже не было одежды, едва-едва онъ выпросилъ у одного проходящаго нищаго жалкое рубище, чтобы имъ прикрыть свое нагое тѣло. Облечившись въ такое одѣяніе, отправился онъ куда глаза глядятъ внизъ по рѣкѣ и дошелъ до одного убогаго кишлака. Ъсть ему сильно захотѣлось, но въ какой саклѣ не просилъ онъ себѣ пищи, вездѣ ему отказывали, — многіе изъ отказывавшихъ ссылались на непосильные оброки и подати завоевателя, на взяточничество и даже грабежъ мелкихъ правителей и бековъ и на вопіющую несправед-

ливость и подкупъ судей. Скрѣпя сердце, молча, выслушивала все это Азретъ-Султанъ. На самомъ краю кишлака около берега этой-же рѣчки, почти вдали отъ другихъ саклей, стояла одна ужъ очень убогая и жалкая саклюшка, возлѣ которой онъ встрѣтилъ весьма красивую дѣвушку, но одѣтую немногимъ лучше его самого, и съ низкимъ поклономъ подошедшій просилъ ее, чтобы она дала ему ѣсть, говоря, что онъ умираетъ съ голоду. Дѣвушка была дочь рыбака — хозяйна этой сакли. Въ это же время въ первый разъ услышала она щебетанье сороки съ западной стороны своей сакли, а ранѣе отъ старухъ она слышала, что если сорока будетъ щебетать съ западной стороны, то это означаетъ, что слѣдуетъ ожидать дорогого и важнаго гостя или получатся хорошія и пріятныя вѣсти, а если защебечетъ съ восточной стороны, то надо ожидать полученія худыхъ и печальныхъ вѣстей или гость будетъ бѣдный человѣкъ. Увидавъ прохожаго нищаго, одѣтаго въ жалкое рубище и умирающаго съ голоду, она подумала съ досадою просебя, что говорившія ей старухи сами ничего не знаютъ и относительно этой примѣты ловко наврали, какъ разъ наоборотъ и пошла было въ саклю, но ницїй со слезами просилъ чего либо поѣсть, дѣвушка сжалилась надъ нимъ и сказала, что и у самихъ ѣсть нечего, а есть только тухлая рыба, и затѣмъ подала ему тухлой вареной рыбы, ницїй усѣвшись подъ тѣнью сакли утолить свой голодъ, а дѣвушка пошла къ себѣ въ саклю, раздумывая о томъ, почему и какимъ образомъ предсказаніе старухъ не сбылось. Въ это время прїѣхалъ отецъ дѣвушки съ рыбалки и закричалъ дочери, что уловъ рыбы былъ хорошій и онъ привезъ много рыбы, и чтобы она скорѣе выходила чистить ее. Дочь, выйдя изъ сакли, ахнула, увидѣвъ такое большое количество привезенной рыбы и сказала отцу, что имъ двоимъ и до завтра не перечистить привезенной рыбы и не мѣшало-бы попросить помочъ нищаго, который сидитъ тутъ подъ саклею и ѣсть тухлую рыбу. Отецъ согласился на это и попросилъ нищаго помочъ имъ, который также неотказался. Работу раздѣлили такъ: дѣвушка взялась распарывать рыбу и вынимать изъ нея внутренности, такъ какъ на это была большая мастерица и дѣлала такъ ловко, что желчи не раздавливала, отецъ солилъ, а ницїй мылъ вычищенную дѣвушкой рыбу. Распороть и очистивъ нѣсколько рыбъ, попалась одна большая рыба, во внутренностяхъ которой дѣвушка нашла перстень, который сіялъ разноцвѣтными камнями и яркимъ чуднымъ блескомъ своимъ ослѣпилъ глаза дочери рыбака. Дѣвушка быстро спрятала перстень въ карманъ, не показавъ отцу, боялась, что отецъ отберетъ у нея ея драгоценную находку и продастъ на уплату долговъ и большихъ налоговъ и

податей, лежавших на нихъ. По нѣкоторомъ размысленіи, дѣвушка рѣшилась показать перстень нищему, а въ случаѣ чего, то при помощи его и продать и на вырученную сумму купить себѣ платье и различныхъ нарядовъ и уборовъ. Отецъ уѣхалъ въ городъ продать часть рыбы, а дѣвушка въ это время приготовила изъ свѣжей и лучшей рыбы вкусный ужинъ, во время котораго показала нищему вынутый ею изъ рыбы перстень. Нищій какъ увидѣлъ этотъ перстень, такъ и обмеръ, оправившись отъ смущенія онъ сказалъ дѣвушкѣ, чтобы она подарила ему этотъ перстень, обѣщая не только жениться на ней, но и сдѣлать ее царицей-султаншей. Дѣвушка была сильно изумлена такими словами нищаго, но послѣдній сталъ ее горячо увѣрять и убѣждать, что лишь только онъ надѣнетъ этотъ перстень на палецъ, какъ сейчасъ передъ ней онъ предстанетъ въ царскомъ одѣяніи и явится передъ нимъ его многочисленное войско и все визиря и беки. Но дѣвушка продолжала не вѣрить словамъ нищаго, тогда онъ сознался ей, кто онъ такой есть на самомъ дѣлѣ и разсказалъ о себѣ всю свою жизнь, и какъ пропалъ у него этотъ перстень. Дочь рыбака послѣ этого повѣрила словамъ нищаго, и побѣжала къ подругамъ своимъ, которымъ и сообщила, что она скоро сдѣлается царицей-ханшей. На вопросъ подругъ почему это она такъ думаетъ, та отвѣтила, что ей наиророчила сорока (саусканъ) въшунья. Подруги осмѣяли ее, говоря, что если Азретъ-Султанъ не обратилъ даже вниманія на самыхъ знатныхъ богатыхъ и гораздо болѣе красивыхъ дѣвицъ нежели она, то какъ же онъ возьметъ дочь бѣднаго рыбака, и продолжали зло надъ нею насмѣхаться. Оскорбленная ихъ насмѣшками она пришла домой и взяла клятву съ нищаго, что когда онъ дѣйствительно станетъ Азретъ-Султаномъ и возьметъ въ свои руки власть, то онъ женится на ней и будетъ исполнять все ея желанія и даже разные капризы и прихоти. Нищій далъ эту клятву (каранды). Но несмотря на клятву, дѣвушка все еще продолжала не вѣрить и сказала, чтобы нищій остался ночевать и утромъ она ему вручитъ перстень-талиманъ. Нищій остался. Онъ всю ночь не спалъ, а караулилъ около дверей сакли, боясь чтобы дѣвушка не передала или не продала-бы кому-либо ночью перстня.— А подруги ея между тѣмъ уже успѣли далеко разнести слухъ о мечтахъ дочери рыбака быть царицей-ханшей: нѣкоторые смѣялись надъ ея выдумкой, называя дѣвушку глупой и безумной, другіе негодовали, говоря: что если дойдетъ слухъ до самого Азретъ-султана, то это можетъ вызвать его гнѣвъ и негодованіе и тѣмъ навлечетъ на себя большую бѣду и неприятность. Вставъ рано утромъ, она подала завтракъ нищему и замѣтивъ блѣдность на лицѣ его отъ бессонно-проведенной имъ

ночи, со смѣхомъ сказала, вѣроятно ты отъ того не спалъ всю ночь, что думалъ какъ ты будешь управлять своимъ царствомъ, повелѣвать своимъ народомъ и отдавать приказанія правителямъ провинцій и разнымъ бекамъ и визирямъ, чтобы они побольше собирали для него съ народа податей, и все еще продолжала не вѣрить, предполагая, что нищій хочетъ только обмануть ее, чтобы выманить дорогой перстень. Послѣ многократныхъ и убѣдительныхъ просьбъ и горячихъ увѣреній со стороны нищаго, дѣвушка со смѣхомъ надѣла ему перстень на указательный палецъ правой руки и нищій мгновенно преобразился въ хана и сталъ Азретъ-Султаномъ опять. Выйдя на улицу, онъ увидѣлъ все собравшееся войско, визирей, бековъ и всѣхъ своихъ вассаловъ въ блестящихъ и яркихъ дорогихъ нарядахъ. Всѣ они подошли къ нему, выражая глубокую покорность и преданность. Все происходящее на дворѣ дѣвушка видѣла въ щель сакли своей, и несмѣя выйти на улицу, въ отчаяніи громко заплакала, раскаяваясь, что она повѣривъ на слово, не обвинчалась прежде чѣмъ вручить перстень. Азретъ-Султанъ, услыхавъ отчаянный и громкій плачъ и вопль дочери рыбака, немедленно приказалъ одѣть ее въ дорогія одежды, подобающія царицѣ, и привести ее въ шатеръ, гдѣ онъ тотчасъ-же и обвинчался съ нею. Послѣ чего Азретъ-Султанъ сталъ управлять своими подданными съ большею справедливостью, бѣдныхъ совсѣмъ освободилъ отъ налоговъ и всю свою жизнь старался чтобы во всѣхъ его владѣніяхъ господствовала правда и правосудіе. А для своей жены, бывшей дочери рыбака, которую онъ безумно любилъ, онъ выстроилъ дорогой и роскошный дворецъ, но капризамъ и прихотямъ ея не было конца. Однажды ей пришло такое желаніе: чтобы изъ пуху всѣхъ пернатыхъ ей былъ сдѣланъ дворецъ, въ какомъ либо другомъ она не можетъ жить, такъ какъ находится въ интересномъ положеніи. Азретъ-Султанъ, исполняя всѣ капризы своей любимой супруги, приказалъ собрать всѣхъ безъ исключенія птицъ, находящихся въ его царствѣ и надергать изъ нихъ пуху и перьевъ. Когда собраны были всѣ пернатые, Азретъ-Султанъ велѣлъ оставить ихъ до утра, а чтобы они не убѣжали—отдалъ приказаніе спутать ихъ, чтобы при себѣ и жевѣ своей надергать изъ нихъ пуху и перьевъ, но ночью лишь одна сорока убѣжала спутанная, и утромъ доложили о ея побѣгѣ. Царица въ благодарность за ея предсказаніе приказала нетрогать ее, говоря, что ея пуху и перьевъ не нужно, и такимъ образомъ сорока была избавлена отъ непріятной дани. Каракиргизы говорятъ, что у сороки на крыльяхъ всѣ перья ровны и цѣлы, а у всѣхъ другихъ птицъ и птичекъ на какомъ либо крылѣ не хватаетъ нѣсколькихъ перьевъ, а иногда и на обоихъ. Соро-

ка какъ убѣжала спутанная, такъ за ней навсегда и осталась характерная особенность: она скачетъ точно какъ будто спутанная. У каракиргизовъ и теперь существуетъ примѣта: если сорока щебечетъ надъ домомъ или юртой обратившись головой на западъ, то слѣдуетъ ожидать полученія хорошихъ и пріятныхъ вѣстей или посѣщенія важнаго и дорогого гостя, а если она щебечетъ обративъ свою голову на востокъ, то означаетъ полученіе непріятныхъ, худыхъ извѣстій или же постигнетъ несчастіе, или посѣтитъ плохой человѣкъ или нежеланный гость, и сороку въ послѣднемъ случаѣ сгоняютъ съ мѣста.—(Записана со словъ одного старика каракиргиза Джумгалъской волости).

О шелковичномъ червѣ.

Шелковичный червь считается священнымъ, потому что произошелъ отъ ранъ святого пророка Джунуса. Выдѣляемая и получаемая изъ шелковичныхъ червей матерія—шелкъ считается въ память этого святого чистою, и мусульманамъ поэтому одежду, сдѣланную изъ одного шелка, носить воспрещается, а только пополамъ съ бумажною тканью разрѣшается носить. Воспрещается чистый шелкъ и потому еще носить, чтобы неосквернить имя святого пророка, чтимаго мусульманами, черезъ соприкосновеніе къ такой одеждѣ собакъ, которыя легко могутъ понюхать или полизать, мочей человѣка и другими нечистотами можно загрязнить и замарать одежду изъ чистаго шелка, происхожденіемъ котораго люди обязаны вышеупомянутому пророку. (Записана со словъ каракиргизовъ Саяковской волости Андижанскаго уѣзда).

О пчелѣ.

Пчелы также, по понятію каракиргизовъ, произошли отъ того-же пророка Джунуса, которому Богъ повелѣлъ медъ пить, а воскъ прикладывать на раны какъ лекарство.—(Записана тамъ же).

О происхожденіи чорта.

По сотвореніи міра, былъ на землѣ священный огонь—Алау, въ которомъ въ извѣстное время прилетали съ наба ангелы, и купались. Какъ-

то разъ случилось проходить около этого огня ишаку, который тогда былъ весьма красивымъ животнымъ и угоднымъ Богу. Ишаку въ это время сильно захотѣлось помочиться, онъ не вытерпѣлъ и помочился прямо въ священный огонь. Едва успѣлъ онъ отойти отъ Алая нѣсколько шаговъ, какъ изъ этого огня вышелъ красивый человѣкъ. По повелѣнію Божию прилетѣли ангелы (фаршита) и взяли этого человѣка на небо. Когда онъ былъ доставленъ туда, то Господь Богъ сдѣлалъ его старшимъ надъ ангелами и приказалъ ему учить ихъ. Послѣ нѣкотораго времени человѣкъ этотъ зазнался и ослушался Бога. Богъ свергнулъ его тогда съ неба въ адъ (джумугъ) — который образовалъ изъ священнаго огня — алая. Ишака же обезобразилъ и оставилъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ и сейчасъ находится, — и мясо его не только люди и звѣри, но даже, какъ говорятъ каракиргизы, и птицы, будто-бы, не клюютъ. При чемъ далъ ему и такой отвратительный голосъ — приказавъ три раза въ день — утромъ, въ полдень и вечеромъ, кричать, т. е. оплакивать свое дитя — чорта.

О животныхъ въ раю.

По понятіямъ каракиргизовъ, въ раю (бегишъ-да) прислуживаютъ, между прочимъ, находящимся тамъ святымъ и угодникамъ восемь животныхъ. Животныя эти слѣдующія: 1) *Рыба* (балыкъ), названія или имени ея каракиргизы не знаютъ. Но изъ всѣхъ рыбъ въ раю удостоилась быть та самая, внутри которой находились сорокъ дней и сорокъ ночей пророки Муса Али-ассаямъ и Джунусъ. 2) *Ишакъ* (осель) — на которомъ долгое время ѣздилъ Хазретъ-Азисъ-ассаямъ. 3) *Баранъ* (кой) — который упалъ съ неба для приношенія жертвы пророку Измаилу-ассаяму. 4) *Верблюдъ* (тюя) — на которомъ долго ѣздилъ Хазретъ-Салихъ. 5) *Собака* (кутмеръ) — которая нѣсколько тысячелѣтій охраняла входъ въ пещеру и тѣмъ спасла много мусульманъ святыхъ и угодниковъ отъ преслѣдованія кяфировъ, Собака эта разноситъ въ раю пищу святымъ мусульманамъ. 6) *Лошадь крылатая* (Дулдулъ) на которой пророкъ Али выѣзжалъ на войну противъ кяфировъ и таковыхъ на ней всегда побѣждалъ. 7) *Лошадь* (обыкновенная) (тулпаръ) — на которой постоянно ѣздилъ святой пророкъ Сулейманъ. 8) *Волкъ* (бура). Когда пророкъ Юнусъ-али-ассаямъ былъ брошенъ братьями на съѣденіе волковъ, то они его нетронули, за это Богъ и принялъ ихъ въ рай. Этыхъ животныхъ, принятыхъ Богомъ въ рай, каракиргизы одинаково почитаютъ на равнѣ съ прочими

своими святыми. Всѣмъ другимъ животнымъ входъ и доступъ въ рай воспрещенъ, какъ недостойнымъ. Неудостоившіяся райа домашнія животныя всѣ явятся на судъ праведный и получатъ удовлетвореніе за всѣ обиды, мученія и притѣсненія, которыя они испытали и перенесли на этомъ свѣтѣ, послѣ чего будутъ обращены Богомъ въ пепелъ или золу. Хищныя звѣри также будутъ призваны на судъ и получатъ должное возмездіе за свои дѣянія и также будутъ обращены въ золу и разсѣяны по всему свѣту. Отъ находящихся же въ раю животныхъ, какъ Богу угодныхъ, произойдетъ новое потомство болѣе чистое и болѣе совершенное.

О двухъ скупыхъ.

СКАЗКА.

Въ незапамятныя времена жили два пріятеля, дружба и любовь между ними были большія. Одинъ изъ нихъ жилъ на рѣкѣ Чу, а другой на рѣкѣ Нарынъ. Въ одно прекрасное время пріятели вздумали почтить другъ друга подарками, задумали-сдѣлали. Вышло такъ, что оба пріятеля снарядили отъ себя пословъ въ одно и то же время, вручивъ имъ подарки, отправили ихъ другъ къ другу. Посланные встрѣтились между собою на половинѣ дороги и размѣнялись гостинцами. Пріятель съ р. Чу, купивъ на два цула (гроша) орѣховъ (джаниковъ), добавилъ къ нимъ вербляжбыхъ колобковъ (испражнений, кумалаковъ), а пріятель съ рѣки Нарына купилъ на одинъ пулъ (грошъ) фисташекъ, добавивъ ихъ бараными кумалаками. Пріятель, на р. Чу жившій, получивъ подарки отъ своего нарынскаго друга, пришелъ въ негодованіе, говоря, что онъ послалъ подарковъ на одинъ пулъ больше чѣмъ получилъ, и немедленно отправился къ пріятелю на Нарынъ. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ нашелъ наконецъ своего пріятеля, его дворъ и курганчи. Пріѣхавшаго гостя съ р. Чу встрѣтилъ сынъ нарынскаго пріятеля, послѣдній спросилъ перваго, что ему нужно. Чуйскій пріятель отвѣтилъ, что онъ и его отецъ большіе-большіе пріятели между собою и вотъ онъ пріѣхалъ къ нему въ гости навѣстить его. Сынъ отвѣтилъ, что отца дома нѣтъ. Гость съ р. Чу сказалъ, что онъ подождетъ возвращенія своего друга и вѣхавъ во дворъ привязалъ ишака (самку) и попросилъ еще принести ему текмень. Сынъ пошелъ и доложилъ отцу, что пріѣхавшій просить текмень, отецъ велѣлъ дать. Получивши текмень, гость началъ дѣлать ясли (ахиръ) и

сдѣлалъ одни ясли большія, а другія маленькія. Изумленный сынъ спрашиваетъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ двое ясель, такъ какъ у него только одинъ ишакъ, на это пріѣхавшій отвѣтилъ, что у него ишакъ беременный уже шестой мѣсяць. Сынъ, услышавши эти слова, тотчасъ передалъ ихъ отцу, послѣдній, получивъ этотъ отвѣтъ, сильно испугался, что гость проживетъ у него такъ долго и введетъ его поэтому въ большіе убытки и сейчасъ-же послалъ сына сказать пріятелю, что отецъ его умеръ. Пріѣхавшій гость, услышавъ это, притворился сильно изумленнымъ, глубоко опечаленнымъ и огорченнымъ внезапной кончиной своего близкаго друга, котораго онъ горячо любилъ и искренно уважалъ, и сказалъ сыну, что онъ самъ лично будетъ обмывать дорогого покойника и велѣлъ сыну приготовить котель, воды и дровъ, а самъ пошелъ набрать колючки. Принесли колючки. началъ кипятить воду. Когда все было приготовлено, взялъ тѣло мнимоумершаго своего пріятеля и положилъ на разбросанную имъ колючку, брошенный на колючку немного содрогнулся, что замѣтилъ обмывавшій его пріятель и улыбнулся про себя и затѣмъ сталъ обмывать его кипяткомъ, отчего мнимый покойникъ опять содрогнулся, омывавшій же пріятель опять улыбнулся, но не показывая виду, продолжалъ обмывать какъ ни въ чемъ не бывало. Приготовивъ все что слѣдуетъ по мусульманскому обряду для погребенія и обвернувъ покойника въ саванъ, гость самъ пошелъ рыть могилу, которую и вырылъ внутри семейнаго памятника. Въ это время собрались уже всѣ родственники и знакомые мнимоумершаго, чтобы отдать послѣдній долгъ. Затѣмъ приступили къ выносу тѣла, которое донесли до могилы. Тогда пріѣхавшій гость попросилъ собравшійся народъ оставить его одного съ покойникомъ, говоря, что онъ самъ его похоронитъ. Собравшіеся уважили просьбу и разошлись по домамъ. Пріѣхавшій же взялъ положилъ тѣло мнимоумершаго внутрь памятника подлѣ могилы и оставилъ тутъ его до вечера, рассчитывая ночью унести мнимоумершаго пріятеля домой и во что бы то ни стало получить отъ него излишне истраченный на него пулъ (грошъ) и уѣхать потомъ къ себѣ домой. Мнимоумершій-же рѣшился вынести еще большія муки, но только на возвращать своему пріятелю пула, и думалъ дожидаться ночи, затѣмъ убѣжать и скрыться изъ дому и не показываться до тѣхъ поръ, пока не уѣдетъ къ себѣ домой такъ жестоко мучившій его пріятель. Наступила темная-темная ночь. Въ это время разбойники, ограбивъ большой караванъ подѣхали къ этому же самому памятнику, чтобы раздѣлить награбленную добычу, для чего и развели костеръ. Разбойники все подѣлили между собою, оставалась только одна сабля, которую они никакъ не могли подѣлить, такъ какъ

каждый изъ нихъ хотѣлъ ею обладать. Между прочимъ одинъ изъ грабителей при свѣтѣ костра увидѣлъ внутри могильнаго склена лежавшее мертвое тѣло, о чемъ сообщилъ своимъ товарищамъ, которые особенно не были этимъ удивлены; они предположили, что это тѣло какого нибудь путника, прѣхавшаго издалека, неожиданно умершаго и положеннаго здѣсь временно на храненіе, впродъ до отправленія его на родину (прежде у мусульманъ-каракиргизовъ будтобы это водилось и обычай этотъ держался до послѣдняго времени т. е. до прихода русскихъ; на сколько это вѣрно, я не утверждаю). Одинъ изъ разбойниковъ предложилъ своимъ товарищамъ, если спорная сабля сразу перерубить мертвое тѣло, то оцѣнить ее въ тысячу тиллей, и кому по жребію она достанется, тотъ остальнымъ выплачиваетъ тысячу тиллей, которые они и раздѣляютъ между собою уже поровну. Всѣ согласились на это и предложившему велѣли перерубить тѣло покойника. Разбойникъ взялъ саблю въ руки, и лишь только онъ ею замахнулся надъ лежавшимъ мнимо-умершимъ, какъ послѣдній моментально выскочилъ изъ подъ савана и бросился на замахнувшася на него разбойника, который отъ такой неожиданности сильно испугался, вырвалъ изъ рукъ саблю, бросился бѣжать, а за нимъ и остальные разбойники, услышавъ громкій голосъ мертвеца и испугавшись, бросились также бѣжать, оставивъ на мѣстѣ всю награбленную добычу. Мнимо-умершій быстро одѣлся въ одежду, оставленную разбойниками, и сталъ собирать все брошенное ими здѣсь имущество. Вскорѣ разбойники опомнились отъ страха и, посоветовавшись между собою, рѣшили послать за добычею того самаго, который хотѣлъ разрубить мертвое тѣло; подошедши къ памятнику, онъ не рѣшался войти внутрь его, а сталъ сверху на немъ, чтобы посмотреть, что дѣлаетъ мертвецъ. Почти одновременно съ этимъ разбойникомъ пришелъ другъ и пріятель мнимо-умершаго (только онъ зашелъ съ другой стороны), чтобы получить излишне посланный въ гостинцы своему другу пуль, и ставъ въ дверяхъ могилы, началъ кричать „давай мой пуль, давай мой пуль“. Пріятель же его, уже находившійся снаружи памятника, увидѣвъ наверху его стоявшаго человѣка, недолго думая быстро сорвалъ съ его головы шапку и сунулъ своему другу, говоря „на, вотъ тебѣ за твой пуль“. Разбойникъ безъ памяти слетѣлъ съ памятника, бросился бѣжать, съ ужасомъ крича, что за нимъ гонятся мертвецы. Остальные разбойники, слыша страшный и отчаянный крикъ своего товарища, бросились бѣжать. Мнимо-умершій проводилъ своего Чуйскаго пріятели, давъ ему еще немного изъ имущества, оставленнаго бѣжавшими разбойниками, а всю остальную добычу, которая оказалась весьма богатою, сложилъ на нѣсколькихъ верблюдахъ и при-

везъ къ себѣ домой и зажилъ прищѣваючи, такъ какъ сталъ послѣ этого еще болѣе богатъ и сдѣлался еще скупѣе, и часто повторяя „ведаромъ-же я вынесъ столько мученій въ одинъ день.“

Превращеніе мужа и жены (легенда).

Въ давнія времена жилъ одинъ мужъ-батырь (богатырь); задумалъ онъ отвести рѣку Нарынъ и сталъ прорубать кетменемъ (т. е. заступомъ) новое для нея русло, прорубая почти силою каменную гору. У него сломался черенокъ (рукоятка) у кетменя, тогда онъ послалъ, находившуюся при немъ жену, въ тополевыя лѣса, чтобы она сломала тамъ одну тонялину для рукоятки и принесла бы ему такую. Жена была тоже женщина большая и сильная. Передъ отправленіемъ ей мужъ строго на строго приказалъ женѣ, чтобы идя въ лѣсъ, она ни подъ какимъ видомъ не оборачивалась и не смотрѣла бы назадъ, въ противномъ случаѣ будетъ очень худо. Жена, дойдя до одного мѣста, гдѣ ей нужно было переходить воду (рѣку), не утерпѣла, такъ какъ ее разобрало сильное любопытство, и обратилась назадъ посмотрѣть, что дѣлаетъ мужъ на оставленномъ ею мѣстѣ. Лишь только она повернула голову назадъ, какъ сейчасъ же мужа ея схватили галки, сдѣлавъ себѣ изъ него гнѣздо, а инструменты его были превращены въ песокъ. Галки разсудились на этого батыря за то, что, прорубая новое русло для рѣчки, онъ раззорилъ много ихъ гнѣздъ, такъ какъ ископи въ этомъ мѣстѣ водились исключительно только галки, а въ другомъ мѣстѣ около этого района, будтобы, нѣтъ даже ни одного гнѣзда и такового нельзя найти совсѣмъ, почему и самая мѣстность носитъ названіе „галчье гнѣздо“ а жену его превратили близъ рѣки въ четыре камня для очага (буквальный переводъ: превратили въ очагъ (состоящій) изъ четырехъ камней), — и мѣсто это съ тѣхъ поръ носитъ названіе Кетмень-тлюбе. Впослѣдствіи одинъ изъ четырехъ камней какимъ то охотникомъ переброшенъ на правый берегъ р. Нарынъ, разсудившимся за то, что въ этомъ мѣстѣ оль не могъ добыть огня для фатилы къ своему ружью и, онъ въ сердцахъ схватилъ камень и перебросилъ его черезъ рѣчку, послѣ чего добылъ себѣ огня, а три камня такъ и остались на лѣвой сторонѣ р. Нарына. Переброшенный камень, находящійся и теперь на правой сторонѣ (камень этотъ огромныхъ размѣровъ), по словамъ каракиргизовъ обладаетъ цѣлебными свойствами, такъ: если кто подниметъ его, у того nebudeтъ болѣть спина или же заболѣвшій ею

выздоровливаетъ отъ своего недуга и будетъ долголѣтенъ. — Каракиргизы передають, что когда-то встарину поднимали его пять человѣкъ и теперь онъ находится на шагъ отъ того разстоянія, гдѣ упалъ въ первый разъ. А около трехъ камней, находящихся на лѣвой сторонѣ р. Нарына, никто съ давнихъ временъ неостанавливается на стоянку или ночлегъ, потому что какъ людямъ, такъ и скоту, здѣсь побывавшимъ, причиняются разные болѣзни и даже смерть или же людей постигаютъ какія либо несчастія. Есть преданіе, что когда-то здѣсь проходило стадо свиней и они вздумали почесаться объ эти камни; едва только они къ нимъ прикоснулись, какъ всѣ тутъ же и подошли; кости ихъ по сіе время, будтобы, сохранились въ землѣ, какъ то утверждаетъ одинъ изъ стариковъ, называющій себя очевидцемъ этого событія.

Гора Кетмень-тюбе мысомъ подходитъ къ лѣвому берегу рѣки Нарынъ, послѣдняя и раздѣляетъ ее отъ главнаго хребта Тяньшаня. Восточная часть горы Кетмень-тюбе песчаная и изрыта глубокими оврагами, западная же часть усыпана камнями, дресвой и галькой. Находитесь Кетмень-тюбе въ 12 верстахъ отъ бывшей кокандской крѣпости, выше укрѣпленія, мысъ подходитъ къ самому берегу рѣки и представляетъ собой крутой каменистый обрывъ, образующій стѣнку берега, въ которую бьетъ съ шумомъ вода, такъ что въ этомъ мѣстѣ невозможно проѣхать по берегу, какъ только черезъ переваль. Три камня на лѣвомъ берегу неудалось видѣть рассказчику, а на правомъ берегу видѣнъ сѣрый четырехугольный плитнякъ въсомъ въ 25 и болѣе пудовъ съ выбитой на немъ лошадиной подковой, о происхожденіи послѣдней никто ничего неможетъ объяснить. Не болѣе какъ на одинъ шагъ отъ камня ближе къ берегу рѣки есть впадина въ землѣ, которую объясняютъ первымъ паденіемъ сюда этого камня, откуда его впоследствии пять человѣкъ, поднявши, отнесли только на одинъ шагъ, о которыхъ говорилось выше. — (Записана со словъ стараго каракиргиза саяка Нарынской волости).

Объ осадѣ Ходжента (легенда).

Въ незапамятныя времена кяфиръ Алекэ (надо полагать былъ калмыкъ, прибавилъ рассказчикъ) окружилъ со своей дружиной городъ Хорджентъ т. е. нынѣшній Ходжентъ, который есть одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ, и обложивъ его своими полчищами, сталъ осаждать его, невышуская никого изъ города и требуя сдачи послѣдняго, для чего

явилась бы къ нему депутація отъ города. Такъ какъ Алекэ былъ идолопоклонникъ, то изъ депутатовъ, явившихся къ нему въ покоренныхъ имъ земляхъ и городахъ, онъ одного, по выбору, приносилъ въ жертву своимъ идоламъ. Зная уже объ этомъ, жители осажденнаго имъ Ходжента боялись послать къ нему депутацію и собрали совѣтъ изъ стариковъ, что имъ дѣлать и какъ поступить, такъ какъ это былъ уже послѣдній день назначеннаго Алекэ срока. Весь народъ въ городѣ и собравшіеся на совѣтъ старики находились въ большомъ горѣ и уныніи, и ничего не могли придумать для своего освобожденія. Печаль ихъ еще отъ того увеличивалась, что одинъ изъ депутаціи долженъ неминуемо погибнуть отъ рукъ кяфира (идолопоклонника) ужасною и позорною смертію, а такая смерть въ глазахъ ихъ считалась грѣхомъ. — Въ то время, когда старики совѣщались между собою, какъ поспобить бы своему горю и выдти изъ такого ужаснаго положенія, къ нимъ подошелъ мальчикъ лѣтъ 7—8 и спросилъ, что у нихъ за совѣтъ и не можетъ ли онъ чѣмъ имъ помочь, на вопросъ его сидѣвшіе старцы, обратясь къ нему, сказали „э[→]кутъ“ т. е. [→]кази, [→]задница, что тебѣ нужно. Мальчикъ отвѣтилъ имъ, что онъ одинъ пойдетъ отъ города депутатомъ къ Алекэ-кяфиру. — Старики и всѣ другіе, здѣсь находившіеся, услышавъ такія слова отъ мальчика, разсмѣялись. Тогда мальчикъ возразилъ имъ, что теперь время тяжелое, не досмѣху, и онъ дѣйствительно сдѣлаетъ такъ, какъ говоритъ. Старики и народъ, видя настойчивое требованіе мальчика, высказываемое имъ серьезно и убѣдительно, послѣ нѣкотораго размышленія согласились послать его депутатомъ. — Когда наконецъ объявили о своемъ рѣшеніи мальчику, послѣдній тогда сказалъ имъ, чтобы они нашли и дали бы ему одного большаго верблюда и одного бѣлаго, съ большой бородой козла; народъ, изумленный такимъ требованіемъ, началъ смѣяться и издѣваться, но мальчикъ съ самымъ серьезнымъ видомъ продолжалъ убѣдительно настаивать на своемъ, говоря, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ и нисколько не путитъ. Послѣ чего народъ и старики дали ему большаго верблюда и бѣлаго съ большой бородой козла и выпроводили изъ города за ворота, но сами не были увѣрены, что мальчикъ пойдетъ въ лагерь къ непріятелю, и стали наблюдать, чѣмъ все это кончится. Увидя подходящаго къ своему стану или лагерю мальчика съ верблюдомъ и козломъ изъ осажденнаго города, Алекэ громко закричалъ ему: „неужели въ городѣ кромѣ тебя нѣтъ никого изъ большихъ и старыхъ, которые могли бы явиться ко мнѣ“, а самъ уже мысленно предвкушалъ заранѣе великое удовольствіе принести въ жертву своимъ идоламъ этого мальчика, но послѣдній на вопросъ Алекэ серьезно отвѣчалъ ему: „essi желашь объ этомъ знать

относительно стариковъ, то спроси аксакала (бѣлая борода) этого, т. е. у козла. такъ какъ онъ самый старый, а если хочешь спросить у маленькаго, то спроси у меня“. Такой отвѣтъ понравился Алекѣ и онъ сказалъ: „мальчикъ ты меня покоришь словами, во всѣхъ покоренныхъ мною странахъ никто не могъ меня побѣдить ни словомъ ни дѣломъ, а потому выбирай, что тебѣ нужно“.— Тогда мальчикъ попросилъ у Алекѣ, чтобы онъ позволилъ ему вырѣзать изъ живого быка ремень толщиною въ палецъ, и послѣ этого, что хочетъ то пусть и дѣлаеть съ его роднымъ городомъ. Мальчикъ же, вырѣзавъ ремень изъ быка толщиною въ палецъ обвелъ имъ кругомъ города. Послѣ чего Алекѣ со всѣмъ своимъ войскомъ никакъ не могъ взять города, хотя онъ и осаждалъ его въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, видя, что осада его будетъ бесполезна, такъ какъ не кончится желаемымъ для него успѣхомъ, отступилъ отъ Ходжента и пошелъ забирать далѣе слѣдующіе города, а Ходжентъ такимъ образомъ остался цѣль и невредимъ и нисколько не пострадалъ отъ руки непріятеля. Мальчика этого звали по имени Вузрукъ-ауль Буудинъ, могила съ его костями (прахомъ) и теперь находится въ Ходжентѣ, и, будто-бы, около его могилы протекаетъ цѣлебный источникъ*).

Одноглазый человекъ (Жалгызъ козь).

Жили три охотника. Изъ нихъ двое ушли однажды на сайковъ (сайги), а одинъ остался домъ оберегать. Когда онъ сидѣлъ одинъ, пришелъ *никто*, похожій на человека. *Его* испугался оставшійся охотникъ и убѣжалъ въ степь. Вечеромъ всѣ трое товарищей сошлись. „Я сегодня видѣлъ одноглазого человека“ сказалъ оставшійся охотникъ. Тѣ сказали: „ничего, не бойся!“. Приставили вариться мясо. Двое ходившіе на охоту) легли спать, а тотъ, третій, зажегъ дрова и си-

*) Я читалъ или слышалъ, сейчасъ только не помню гдѣ, эту легенду съ такимъ вариантомъ: мальчикъ, попросивши вырѣзать изъ быка живого ремень толщиною въ палецъ, сказалъ вождю непріятеля, осаждавшему городъ, «дай мнѣ столько земли, сколько можно охватить этимъ ремнемъ». Вождь согласился. Тогда мальчикъ разрѣзалъ этотъ ремень на самыя тонкія части, связалъ ихъ въ одно цѣлое и обвелъ имъ вокругъ стѣнъ всего своего города, благодаря чему городъ былъ спасенъ. Быть можетъ, у каракиргизовъ существуетъ эта легенда и съ такимъ вариантомъ, но намъ не удалось ее записать. Безспорно, эта старинная легенда и существованіе ея у каракиргизовъ даже и въ такомъ видѣ является фактомъ интереснымъ, на что и обращаемъ благосклонное вниманіе мѣстныхъ специалистовъ-этнографовъ.

дѣлъ. „Давишній“ (т. е. одноглазый) опять пришелъ, сидѣвшій (бодрствовавшій) увидѣлъ его, вскочилъ, наострилъ лыжи и убѣжалъ. Тѣ, спавшіе, проснулись. „Давишняго“ увидали (и говорятъ): „Эй, гяуръ, разжигай огонь!“. Тогда „давишній“ огонь разжегъ. Видятъ: концы русъ желѣзные. Стали мясо ѣсть. „Ему не годится не дать“, сказали два охотника, и на концѣ ножа дали одноглазому мяса. Опъ же, не беря руками, ѣлъ съ конца ножа. „Теперь ты ѣды набѣся, питья напился, убирайся!“ сказали охотники. Тогда, „давишній“, одноглазый ушелъ.

Они (охотники), боясь его, перебрались въ средину лѣса и тамъ залегли. Сдѣлали „пугало“, надѣвъ на одну ель шубу. Одноглазый пришелъ и началъ шубу (пугало) давить и душить. Охотники выстрѣлили и убили его. Руки отрѣзали, а туловище стащили и бросили въ ровъ. Назавтра еще *одинъ* пришелъ. Его точно также убили. Еще пришелъ *одинъ* и его убили такимъ же образомъ. Пошли охотники отыскивать другихъ. Идутъ, и видятъ кочъ (кочующее семейство). Остановились на одномъ мѣстѣ—одноглазый—старикъ, у него двѣ жены. Пока жены разбивали кибитку, старикъ съ горъ каталъ камни и забиралъ дворъ. Когда установили домъ, то наступилъ уже вечеръ. Старикъ велѣлъ приготовить варить мясо. „Какое мясо положить?“ Старикъ сказалъ: „сегодня положите человѣчьяго мяса“. — „Человѣчье уже все вышло“. — „Ну, положите лошадинаго мяса“. Затѣмъ одноглазый легъ спать. Всѣ улеглись. Одинъ изъ охотниковъ вошелъ къ одноглазому въ кибитку, положилъ одну желѣзину въ огонь и сталъ пока ѣсть оставленное мясо и, которое нашелъ, все съѣлъ. Взялъ послѣ этого каленую желѣзину, пронзилъ ею глазъ старика и убѣжалъ, въ кошмы забрался, спрятался. Тогда старикъ завопилъ: „бабы, бабы, соринка въ глазъ попала“. Жены посмотрѣли: „батюшки, закричали онѣ, кто-то глазъ выкололъ“. — „Смотрите за дверью“, сказалъ имъ старикъ.

Тогда тотъ, который выкололъ глазъ, спрятался во дворъ (между овцами), тамъ было овечье стадо. Старикъ всталъ, отворилъ дверь двора, началъ выпускать барановъ, считать ихъ по одному и ощупывать каждого. Спрятавшійся охотникъ завернулся кругомъ въ баранью овчину и вышелъ со двора, его старикъ не узналъ.

Охотникъ вышелъ со двора, сбросилъ съ себя овчину, видитъ двухъ лошадей невдалекѣ. Пошелъ, чтобы одну лошадь изловить, поймалъ. Вслѣдъ за этимъ одна изъ женъ вскочила на карюю лошадь и убѣжала. Охотникъ погнался за нею, но не догналъ. Возвратился и убилъ старика и жену его, которая съ нимъ осталась, тоже убилъ. Боясь убѣжавшей, сложилъ юрту во вьюки и скотину къ товарищамъ

пригналь, потомъ трое погнали къ себѣ скотину. Пришли домой, со-
звали народъ и пирь устроили.

Цѣлый мѣсяцъ жили спокойно. Однажды утромъ хотѣли выгнать
скотину пастись, оставленную женщиной. Вышли изъ юртъ охотники,
голосъ услышали. „Что это такое“ сказали они. Снизу раздался голосъ:
„убѣжавшая женщина пришла“. Вышли дальше посмотрѣть и увидѣли:
всѣ другія юрты съѣла, всѣхъ же юртъ было 49.

Охотники наши (джигиты) поймали и убили эту женщину, всѣ
люди, которые находились въ 49 юртахъ, были убиты этой женщиной,
двѣ юрты остались, онѣ уцѣлѣли и всѣ обитатели ихъ спаслись.

Записана В. П. Ровнягинымъ, со словъ Султаналы Умиталина,
киргиза Сарыбагишевской волости.

Для полноты характеристики міровоззрѣнія каракиргизовъ
приведу еще представленія ихъ о внѣшнемъ мірѣ, какъ небо, земля и т. п., также представленія и вѣрованія,
связанныя съ нѣкоторыми предметами, встрѣчающимися въ
ихъ повседневной жизни, и представленія ихъ о болѣзняхъ.
Совокупность всего этого матеріала, собраннаго мною, по-
лагаю, все же до нѣкоторой степени представить картину
того, чѣмъ живутъ наши каракиргизы въ настоящее
время.

Солнце представляютъ зеркаломъ Бога, въ которое онъ смот-
рится ночью.

Луна—ай служитъ для освѣщенія ночью неба во время путе-
слѣдованія Бога по небу и другихъ святыхъ, живущихъ тамъ-же,
которые вздумаютъ или сами лично, по своему желанію, путеше-
ствовать или же по приказанію Бога. Пятна, видимыя на лунѣ, произошли
отъ того, что архангелъ Гавріиль задѣлъ ее своими крыльями, про-
изошло это обстоятельство такимъ образомъ: однажды луна отказалась
повиноваться Богу и свѣтить ему, тогда Господь послалъ архангела
Гавріила, чтобы онъ поскорѣ доставилъ ему луну, во время скорой
и быстрой доставки ея Богу, торопя луну поскорѣ идти, архангелъ
Гавріиль задѣлъ ее своими крыльями, отчего и образовались пятна на
лунѣ, которыя такъ и остались навсегда; въ наказаніе же за ослуша-
ніе и неповиновеніе ея, Богъ приказалъ лунѣ находиться всегда днемъ
при себѣ и послѣ этого, только по мѣрѣ надобности, Богъ отпускаетъ

ее ночью отъ себя. Чѣмъ каракиргизы и объясняютъ различные фазы луны въ теченіи мѣсяца. Поклоняются они лунѣ потому, что пророкъ Магометъ однажды темною ночью заблудился въ пустынь, и никакъ не могъ выйти на дорогу, тогда онъ обратился съ просьбою къ Богу и онъ послалъ ему луну, которая освѣщала путь пророку, до тѣхъ поръ, пока онъ не выбрался на дорогу, почему въ знакъ оказаннаго ею благодаренія ему, онъ и сталъ поклоняться лунѣ, а за нимъ и всѣ его послѣдователи. Увидавъ луну, каждый каракиргизъ дѣлаетъ ей бату, какъ мужчины такъ и женщины. По положенію луны каракиргизы опредѣляютъ погоду, а именно: если народившаяся луна будетъ въ вертикальномъ (одинъ рогъ ея смотреть вверхъ, а другой внизъ) положеніи, то это означаетъ, что будетъ хорошая погода въ теченіи всего мѣсяца, а если луна въ лежащемъ положеніи, то весь мѣсяць будетъ ненастный и дождливый. Эта же примѣта существуетъ и у русскихъ, здѣсь живущихъ, кто отъ кого позаимствовалъ эту примѣту, столь распространенную здѣсь, сказать трудно, скорѣе, что у тѣхъ и другихъ она существуетъ, быть можетъ, самостоятельно.

Падающія звѣзды (джулдузь-учты), по мнѣнію каракиргизовъ, происходятъ отъ того, что ангелы (фарешты) стрѣляютъ изъ ружья или лука (садахъ) въ злого духа по имени „Кагара“, котораго въ концѣ концовъ убиваютъ. Падающія звѣзды означаютъ эти яко-бы летящія стрѣлы или пули. Злой духъ Кагара вселяется въ человѣка, поддавагося его искушенію и соблазнамъ, и этотъ-то совращенный человѣкъ убиваетъ другого „невиннаго“, за душою котораго сей-часъ же и является „Кагара“, чтобы доставить душу его немедленно въ адъ, но ангелы не допускаютъ праведной души до ада, отбивая ее на дорогѣ тѣмъ, что стрѣляютъ въ Кагара. А совращенный уже съ пути человѣкъ между тѣмъ продолжаетъ дѣлать и распространять зло и творить пакости другимъ невиннымъ людямъ, убивать ихъ, и если не можетъ кого-либо совратить, то „изгыртыбъ“ совратитель убиваетъ его самого. Кагара—это мелкій чертенокъ, разсылный или слуга шайтана, обязанность его, по понятію каракиргизовъ, состоитъ въ томъ, чтобы собирать и доставлять души въ адъ. Кагара—безчисленное множество и притомъ они постоянно плодятся и размножаются.

Земля Джерь, состоитъ изъ разныхъ составовъ или частей; камни (т. е. твердыя породы) суть жилы земли, если бы не было камней, то вся земля распалась и рассыпалась бы на мельчайшія части. *Земля*, по представленію каракиргизовъ, держится на золотыхъ рогахъ гро-

маднѣйшаго чернаго быка, а на чемъ держится быкъ — большинство каракиргизовъ отвѣчаютъ незнаніемъ, нѣкоторые же изъ нихъ говорятъ, что быкъ держится на воздухѣ по волѣ Всевышняго Творца. Выходящія изъ земли испаренія объясняютъ дыханіемъ этого быка. Землетрясенія же происходятъ отъ того, что быкъ этотъ перебрасываетъ или перекидываетъ землю съ одного своего рога на другой. Въ существованіе подземнаго огня и вулкановъ не вѣрятъ. Если иногда и горитъ земля, т. е. выходитъ изъ земли огонь, то это происходитъ по приказанію Божію. Въ этомъ именно мѣстѣ шайтанъ или только еще задумалъ или уже началъ дѣлать какую нибудь большую пакость людямъ, но Богъ, жалѣя людей, не допускаетъ до этого и все задуманное или начатое шайтаномъ на погибель рода человѣческаго истребляетъ огнемъ до основанія.

Огонь — отъ добытъ на землѣ „уста-Даудъ-Пайхамбаромъ“ т. е. мастеромъ пророкомъ Давидомъ черезъ треніе, — „уйкученъ“, дерева о дерево. Огонь каракиргизы считаютъ менѣе священнымъ, какъ наприм. воду. потому что въ загробной жизни придется горѣть въ немъ да и на этомъ свѣтѣ „бу-дунъ-яда“ происходитъ отъ него много зла людямъ какъ-то пожары, обжоги дѣтей и взрослыхъ и нерѣдко смерть. Каракиргизы думаютъ, что нѣтъ огню преградъ или препятствій на землѣ, и всѣ происходящія отъ него бѣды и несчастія приписываютъ сатанѣ, который поспорилъ съ пророкомъ Гавріиломъ (Джабраиль-пайхамбаръ), что заберетъ огонь въ свою власть, но Гавріиль видя, что сатана можетъ много бѣдъ надѣлать всему человѣчеству, лишилъ его завѣдыванія имъ и съ того времени сатана находится въ преддверіи ада — „тозакъ“, сатана радуется конечно совращеннымъ грѣшникамъ, падающимъ въ „адъ“, за которыми посылаетъ мелкихъ своихъ чертенятъ въ родѣ „Кагара“ и др., но самъ находится только въ преддверіи ада.

Вода — су считается каракиргизами самымъ священнымъ предметомъ, создана она для пользы, счастья и блага какъ людей, такъ и всѣхъ тварей, живущихъ на землѣ. Вода раздѣляется на святую — *воду рая и блаженства*, которой запасены на небѣ громадныя бассейны, удостоившіеся въ ней искупаться мусульмане, какъ праведные, будутъ вѣчно жить и наслаждаться. — и *воду ада*, въ которой грѣшныя мусульмане и всѣ нечестивые (кафиры) будутъ вариться.

Деревья считаютъ созданными Богомъ для пользы человѣка, изъ коихъ считаются священными „аса муса“ — посохъ Моисея и „арча“ —

верескъ, изъ этого послѣдняго дерева приготовлялись зубочистки Магомету, которыми онъ исключительно и чистилъ себѣ зубы, и каракиргизы, слѣдуя своему пророку, будто-бы, никакихъ другихъ зубочистокъ не употребляютъ, кромѣ вересковыхъ. — Пусть такъ!

Металлы и драгоценные камни также считаютъ сотворенными Богомъ на пользу и потребность людей, изъ нихъ *мѣдь* во всѣхъ видахъ признаютъ поганой, такъ какъ на нее плюнулъ чортъ, почему наиболѣе благочестивые и пожилые каракиргизы не употребляютъ ни нагаекъ, ни другихъ какихъ либо предметовъ, убранныхъ или обдѣланныхъ въ мѣдь, не ѣдятъ и не пьютъ изъ мѣдной посуды, считая это грѣхомъ, и если гдѣ есть мѣдь, то считаютъ, что тамъ живетъ нечистый духъ (шайтанъ), Если же и встрѣтится въ употребленіи мѣдь или мѣдная посуда, то происходитъ это только отъ ихъ незнанія.

Соль (тузь), какъ и вода считается у каракиргизовъ однимъ изъ самыхъ священныхъ предметовъ, употребляющихся въ обиходной ихъ жизни. Есть у нихъ преданіе, что Магометъ послѣ мѣсячнаго поста въ первый разъ разговѣлся въ пустынь солью, которую Богъ послалъ ему съ неба, да въ пустынь и нечѣмъ было болѣе разговѣться пророку. На этомъ основаніи у мусульманъ, и въ частности у каракиргизовъ принято разговляться солью. Каракиргизы, когда приглашаютъ гостя къ столу, то говорятъ: „дамъ тузь тостыбъ китянузь“, дословный переводъ этого выраженія такой: „попробуйте вкуса соли“, т. е. откушайте хлѣба-соли. Но несмотря на такой взглядъ ихъ на соль, все же каракиргизы мало употребляютъ ее, такъ какъ у нихъ есть повѣрье, что отъ частаго употребленія соли и въ большихъ количествахъ можно потерять зрѣніе, на чемъ основано это ихъ убѣжденіе я не знаю. Во время вѣнчанія разводять соль въ чашкѣ и мулла, по прочтеніи вѣнчальной молитвы, даетъ разведенную соль три раза лизать жениху и невѣстѣ, а также и находящимся при этомъ свидѣтелямъ, которые лизутъ ее только по одному разу, смыслъ и значеніе этого обряда такой: „соль скрѣпляетъ любовь“. Если кто изъ друзей, близкихъ знакомыхъ и проч. сдѣластъ пакость своему ближнему, у котораго онъ часто бывалъ, ѣлъ и пилъ или изъ прислуги украдетъ что либо важное у своего хозяина, то въ такихъ случаяхъ пострадавшіе и потерпѣвшіе каракиргизы говорятъ: „тузь урсунъ“ т. е. пусть соль убьетъ.

Табакъ (тамакъ) каракиргизы считаютъ нечистымъ, поганымъ и

запрещеннымъ предметомъ. Табакъ, по ихъ понятію, произошелъ отъ мочи шайтана, но за зубы кладутъ. На вопросъ, зачѣмъ это они дѣлаютъ, если табакъ запрещенъ, говорятъ, что кладутъ его какъ лекарство. Но и въ такомъ видѣ далеко не всѣ его употребляютъ, не болѣе лишь одной трети населенія, а старые люди и совсѣмъ не кладутъ за зубы, хотя молотый табакъ и называется у нихъ „насъ“ т. е. нюхательный, носовой. Назадъ тому 40 50 лѣтъ каракиргизы курили табакъ въ калмыцкихъ мѣдныхъ трубочкахъ, но дѣлали это не болѣе какъ изъ подражанія калмыкамъ, и некурящій въ то время табаку подвергался насмѣшкамъ, и даже, будто-бы, штрафу въ пользу родовича, но въ какомъ размѣрѣ брали штрафъ, теперь забыли и сказать не могутъ. Съ распространеніемъ и укорененіемъ мусульманства куреніе табаку почти всѣ каракиргизы оставили. Откуда калмыки достали сѣмена табаку, тоже сказать не могутъ, но полагаютъ, что изъ Китая. Табаку каракиргизы какъ рабѣ не разводили, такъ и теперь не разводятъ а какъ ранѣе покупали такъ и въ настоящее время покупаютъ, но большею частью вымѣниваютъ его, да впрочемъ ранѣе не только табаку, но даже они и хлѣба не сѣяли, а довольствовались скотомъ и его продуктами.

Чай каракиргизы незнаютъ, къ какой категоріи отнести: къ чистымъ или нечистымъ предметамъ. Чай вошелъ въ употребленіе не болѣе 20—25 лѣтъ, — завезенъ изъ Китая. Раньше самые могущественные и сильные богачи — манасы, именитые родовичи, почтенные бай и разные бѣи не употребляли никогда чай и гостей имъ не угощали, не было также чайниковъ (кумгановъ) и чашекъ (чины), самоваровъ же совсѣмъ не знали, да и теперь ихъ еще почти совсѣмъ нѣтъ или очень мало. Хотя чай теперь есть почти въ каждой кибиткѣ, богатой и бѣдной, но его варятъ въ чайникахъ. Люди стариннаго покроя и въ настоящее еще время очень часто употребляютъ чай по калмыцки, т. е. прибавляютъ въ него молоко, масло и соль. Сахаръ еще и теперь мало въ употребленіи, хотя и очень его любятъ. Чай бѣдный и простой народъ пьетъ больше какъ лекарство: отъ головной боли, ломоты въ рукахъ и ногахъ и разныхъ востяхъ и отъ простуды. Но съ каждымъ годомъ чай все болѣе и болѣе входитъ во всеобщее употребленіе.

Въ заключеніе перейду къ изложенію представленій каракиргизовъ о болѣзняхъ и связанныхъ съ ними вѣрованій. Изъ чего хотя отчасти будетъ видно, какія болѣзни распространены наиболѣе между ними.

Переменная лихорадка (Бизгякъ или Калдаратма). Настоящее названіе по киргизски „лихорадки“ будетъ „калдаратма“, слово же безгекъ или бизгякъ перешло будто бы отъ русскихъ казаковъ, но послѣднее названіе, т. е. бизгякъ, сдѣлалось господствующимъ для обозначенія лихорадки какъ между киргизами, такъ и каракиргизами. Лихорадка по понятію каракиргизовъ происходитъ отъ „джанныкъ каргана“ или „илдетъ“ т. е. злого духа. Представляютъ въ образѣ дряхлаго старика или дряхлой же отвратительной старухи, которыхъ послалъ шайтанъ для совращенія съ пути добраго, истиннаго человѣка; но не могли совратить, наказываетъ лихорадкою, подъ видомъ которой и вселяется злой духъ, „джанныкъ карганъ“ или „илдетъ“ т. е. злой духъ, входитъ же онъ въ человѣка черезъ посредство пищи и питья. Любимое мѣсто нахождения этого злого духа между прочимъ — болотистыя мѣста, старыя стойбища и зимовки. До прихода русскихъ каракиргизы слова бизгякъ не знали, слово это ввели русскіе, кромѣ „калдаратма“ или „джанныкъ каргана“, другимъ какимъ либо словомъ лихорадку не называли. Прежде лечили эту болѣзнь одной водой, кромѣ того лечили еще тѣмъ, что доставали „бои тумаръ“ амулеты или „туга“ талисманы, которые носили на шеѣ. Добывали они ихъ отъ проходящихъ и проѣзжающихъ дувана, сопы, хаджи и разныхъ ишановъ, платя за нихъ большія деньги. Люди же богатые и состоятельные выписывали разные цѣлебные талисманы и амулеты изъ Бухары, Коканда и другихъ городовъ Ферганы и даже будто бы доставали изъ Мекки. Нѣкоторые и въ настоящее время вѣрятъ въ цѣлительную силу этихъ талисмановъ при лихорадкѣ, но уже большая часть народа, а тѣмъ болѣе молодое поколѣніе уже потеряли всякое довѣріе, считая это обманомъ и грубой эксплуатацией. Съ приходомъ русскихъ стали употреблять отъ лихорадки „ачу-акъ“, т. е. хиву. Вслѣдствіе долговременнаго страданія маляріей у каракиргизовъ развиваются „учукъ“ повидимому чахотка или хроническое воспаленіе легкихъ, „чарбызакъ“ водянка, другія истощающія болѣзни и смерть. Въ настоящее время такіе печальные исходы стали весьма и весьма рѣдки, благодаря русскимъ врачамъ, но въ доброе старое время такія послѣдствія были обыкновеннымъ явленіемъ. Да оно и понятно. Лечили лихорадку, какъ и прочія болѣзни, киргизскіе самозванные лекаря „таубы“, „тамырчи“, умѣющіе только находить пульсъ, въ этомъ и состоялъ весь запасъ ихъ знаній; лечили исключительно одною водой. Ранѣе не разъ мнѣ приходилось видѣть больныхъ изнуренныхъ и истощенныхъ лихорадкой киргизовъ, которые, строго выполняя предписаніе своего „таубы“, „тамырчи“, выпивали

по четыре ведра воды въ сутки и такъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, ничего при этомъ не употребляя въ пищу. Поистинѣ вынослива же киргизская натура.

„Калафа„ или „Нафатъ“ подъ этимъ названіемъ у каракиргизовъ, повидимому, подразумѣвается вообще какая либо повальная или эпидемическая болѣзнь, которой они немогутъ дать точнаго или болѣе или менѣе характернаго и опредѣленнаго названія. Всякой эпидеміи они сильно боятся и считаютъ ее наказаніемъ божескимъ „худай нынъ амири-миняшъ“.

„Кебтеръ“ (голубь). Головная боль, выражающаяся шумомъ въ головѣ и ломотою въ вискахъ и во лбу. Лечатъ заговоромъ: „тагумъ тармада, кетибъ, таръ какунса ича ряди итунъ-джандаради“

„Чичякъ“ или „Чечекъ“ оспа, по каракиргизски собственно будетъ „улу туманъ“. Слово чечекъ къ нимъ зашло изъ средней или малой орды, по каракиргизски же чечекъ означаетъ „желтый цвѣтокъ!“. Представляютъ они оспу въ образѣ святого и праведнаго челоуѣка „Асизъ“.— Появленіе ея среди кочевниковъ вызываетъ страшную панику и ужасъ. Кромѣ воды ничѣмъ не лечатъ, да дѣлаютъ еще „тлеу“ жертвоприношенія и даютъ обѣщаніе, въ случаѣ скорого ея прекращенія, заколоть одну изъ лучшихъ и любимыхъ скотинъ. Заболѣвшихъ „желтымъ цвѣткомъ“ помѣщаютъ въ отдѣльную и по возможности никуда уже негодную старую юрту, для ухода за ними сажаютъ уже отжившую свой вѣкъ старуху, но по возможности такую, которая ранѣе перенесла натуральную оспу, и затѣмъ всѣ окружающіе прекращаютъ какое либо сообщеніе. Юрта эта ставится поодаль, но скорѣе и чаще бываетъ, что здоровые всѣ перекочевываютъ подалѣе на другое мѣсто. Пища подается старухѣ черезъ отверстія сверху юрты, которыми послѣдняя испещрена отъ самаго низу и до верху. Посудина, съ заключающей въ пей пищей, привязывается къ одному концу дугообразной палки или же къ прямой длинной палкѣ привязывается другая меньшая палка съ крючкомъ на концѣ (такъ я видѣлъ лично самъ). По возвращеніи отъ больного, т. е. по окончаніи ухода за нимъ или его смерти, старуха гдѣ нибудь въ оврагѣ переодѣвается въ другое, заранѣе ей туда принесенное, платье, а бывшее на себѣ закапываетъ тутъ же въ яму или же сжигаетъ; одежда же больныхъ оспой сжигается. Какъ свидѣтель скажу только, что трудно передать словами то по истинѣ ужасное положеніе, въ которомъ находятся имѣвшіе несчастье заболѣть страшнымъ „желтымъ цвѣткомъ“, а между тѣмъ заболѣ-

ванія эти среди кочевниковъ съ нѣкотораго времени стали такъ часты и обыденны, что какъ будто это такъ и должно быть. И прошлый 1898 годъ былъ страшно несчастный для киргизъ нѣсколькихъ волостей Пишпекскаго уѣзда — „желтый цвѣтокъ“ свирѣпствовалъ между ними въ ужасающихъ размѣрахъ и унесъ много жертвъ. Зашелъ онъ къ несчастью и въ нѣкоторыя русскія поселенія, гдѣ также собралъ немалую жатву и въ особенности въ селеніи Бол. Токмакъ. Не миновалъ онъ и гор. Пишпека, гдѣ также были жертвы. Насколько мнѣ извѣстно, цвѣтокъ этотъ пустилъ среди киргизовъ глубокіе корни, почему и произрастаетъ во всякое время года (и уже не одного, замѣчу въ скобкахъ), но особенно пышно онъ развивается и распускаетъ широко свои ядовитыя листья осенью и зимою, благодаря, быть можетъ, большей скученности людей. На борьбу съ этимъ злымъ цвѣткомъ наша администрація должна обратить самое строгое вниманіе и принять самыя энергичныя и широкія мѣры, не стѣсняясь никакими средствами или расходами, чтобы по возможности скорѣе прекратить дальнѣйшій ростъ столь губительнаго цвѣтка. Существованіе оспенной эпидеміи, принявшей такіе размѣры, какъ цынь, еще разъ убѣждаетъ, что дѣло оспопрививанія стояло до сихъ поръ неправильно, почему оно и нуждается въ немедленной и коренной переработкѣ, въ такой, конечно, чтобы успѣшныя и благіе его результаты были видны не на одной только бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ. Чѣмъ скорѣе будетъ нами прекращенъ ростъ этого убивающаго населеніе цвѣтка, тѣмъ скорѣе также мы сможемъ съ себя тотъ позоръ, допустивши его такъ безпрепятственно развиться и расти и такъ много поэтому унести человѣческихъ жертвъ, ни въ чемъ неповинныхъ.

Булакъ. Подъ этимъ названіемъ надобно подразумѣвать гноетеченіе изъ одного или обѣихъ ушей и вообще всякое истеченіе изъ уха, какого бы характера оно ни было, подъ это же названіе безъ особой ошибки можно подвести и то, что у насъ въ общегитіи принято называть *золотухой*. Болѣзнь эту каракиргизы приписываютъ коварнымъ проискамъ дьявола Азосила, который посылаетъ одного изъ мелкихъ, подчиненныхъ ему, чертенятъ подъ видомъ мухи „Челемче“, для того, чтобы украсть мозгъ у человѣка, ближайшій путь къ которому (т. е. мозгу), по понятію каракиргизовъ, лежитъ черезъ ухо. Болѣзнь эта (гноетеченіе изъ ушей) довольно распространена между каракиргизами и заболѣваніе ею среди нихъ встрѣчается во всякомъ возрастѣ. Лечатъ же такимъ образомъ: зажигаютъ два „чирала“ (лучины), подлѣ которыхъ ставятъ ключевую воду и заставляютъ нѣсколько разъ кланяться этой водѣ, послѣ чего ею же промываютъ ухо. Такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ. Какъ передаютъ, смертныхъ слу-

часевъ не бываетъ отъ этой болѣзни, но глухота послѣ нея часто остается.

Майчме или **Майчиме**. Насколько удалось выяснитъ, подъ это названіе подходитъ болѣзнь извѣстная подъ именемъ Пляски св. Витта и, кажется, много не погрѣшимъ, если подъ это же названіе подведемъ и спинную сухотку (*tabes dorsualis*). Болѣзненные припадки обозначаемыя у каракиргизовъ названіемъ майчме или майчиме, выражаются главнымъ образомъ судорожными сокращеніями и подергиваніями мышцъ лица и конечностей и являются неправильныя движенія послѣднихъ, неровная, будто бы, ходьба и т. п. Представляютъ болѣзнь эту въ образѣ весьма красивой дѣвушки. Лечать тамырчи, умѣющіе находить только пульсъ, и таубы т. е. лекаря, леченіе же состоитъ въ слѣдующемъ: больному на одинъ пріемъ назначаютъ большое количество коровьяго масла, а чаще конскаго сала, топлеваго, съ прибавленіемъ къ нему сахара, это лекарство дается на тощій желудокъ, а послѣ только въ меньшемъ количествѣ даютъ и съ обыкновенной пищей. Назначается конское сало еще вмѣстѣ съ молокомъ, или же послѣднее размѣшиваютъ пополамъ съ саломъ, многіе же лечатъ сахаромъ и различными сладостями. Болѣзненные припадки, обозначаемые названіемъ майчме или майчиме, по словамъ каракиргизовъ, очень упорны, почти совсѣмъ неподдаются леченію ихнему, въ большинствѣ случаевъ отъ этой болѣзни и умираютъ, разъ имѣвшіе несчастье ею заболѣть.

Кулгуна — Костоѣда, сюда же можно отнести и сифилисъ. Болѣзнь эта выражается въ страданіи костей, ихъ гніеніи. Происхожденіе ея каракиргизы приписываютъ нечистотѣ и крайней своей неопрятности. Представляютъ въ образѣ дряхлой пожилой женщины. Лечать питьею изъ „ишралджина“ (сарсапариль) и принятіемъ внутрь „сынацъ“ — ругти. Эта болѣзнь встрѣчается часто. Какъ передавали мнѣ нѣкоторые каракиргизы, случается иногда, что заболѣвшіе первоначально „кулгуна“ въ послѣдствіи иногда заболѣваютъ и припадками предшествовавшей болѣзни „майчиме“. Сифилисъ между киргизами сильно распространенъ, вліянію его на различныя нервныя болѣзни, болѣзни головного и спинного мозга, приписывается громадное значеніе, почему выяснитъ значеніе и вліяніе сифилиса на заболѣваемость каракиргизовъ и киргизовъ различными первыми болѣзнями было бы очень интересно и это прямая задача нашихъ участковыхъ врачей, которые по условіямъ своей службы имѣютъ возможность собрать

въ этомъ направленіи большой матеріалъ, весьма интересный и поучительный въ научномъ отношеніи.

Уюди подь этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть онѣменіе или отерплость какого либо одного или нѣсколькихъ членовъ у человѣка, приписываютъ шайтану, который старается остановить кровь у человѣка и ею утолить свою жажду. Вь такихъ случаяхъ каракиргизы прикладываютъ ко лбу, къ губамъ и щекамъ сухую траву, мякину или камышь; дѣлаютъ это въ томъ убѣжденіи, что отъ этого кровь разойдется снова по всему тѣлу, а искуитель выйдетъ и оставитъ этого человѣка въ покоѣ. Когда пройдетъ онѣменіе, то страдавшій имъ старается въ теченіи дня и ночи не сердиться и не ругаться, дабы этимъ снова непривлечь къ себѣ шайтана, — хотя бы ранѣ этотъ человѣкъ какъ бы ни былъ золъ и сердитъ и какъ бы его невызывали на это обстоятельства въ данную минуту.

Здѣсь я долженъ коснуться одного очень маленькаго обычая у каракиргизовъ, коснуться только потому, что неисполненіе или неточное соблюденіе его вызываетъ, будто-бы, у каракиргизовъ болѣзнь, извѣстную подь именемъ „ала-джибъ“. Обычай этотъ касается обрѣзанія ногтей на рукахъ и ногахъ, при чемъ, какъ передаютъ каракиргизы, они соблюдаютъ при этомъ слѣдующія строгія правила: обрѣзывая ногти, стараются, чтобы отрѣзанныя ихъ частицы неотскакивали въ сторону, а главное не попадали-бы въ пищу и питье, почему во время ѣды никогда не занимаютъ обрѣзываніемъ ногтей. Если же ноготь попадетъ въ пищу, то употребившій такую заболѣваетъ болѣзнію, извѣстною у нихъ подь именемъ „ала-джибъ“, которая состоитъ въ томъ, что у такого человѣка передъ непогодой появляется общая слабость, разбитость и лемота во всѣхъ членахъ и больной лежитъ совершенно безъ движенія; въ такихъ случаяхъ ранѣ, да и теперь еще случается, призывались бакши или баксы, которые внутренностями (печенкой, легкими и проч.), вынутыми изъ козла, били по животу больного, приговаривая три раза слова „алды джеды чинъ“, мясо же и шкуру животнаго брали себѣ, если же ихъ леченіе оказывалось неэффективнымъ, то приглашали соны, но въ послѣднее время стали чаще приглашать мулъ, которые и отчитываютъ, послѣ чего слѣдуетъ обыкновенно выздоровленіе, такъ какъ смертныхъ случаевъ вообще не бываетъ отъ этой болѣзни. — Обрѣзанные же погти закапываютъ въ землю вмѣстѣ съ мелко-накрошенной травой, дѣлаютъ это для того, чтобы обрѣзки этихъ ногтей соединились съ прежнимъ владѣльцемъ

ихъ въ загробной жизни, а накрошенная трава была бы свидѣтельницей при этомъ ихъ соединеніи. Ножики, которымъ обрѣзываютъ ногти, тщательно и дочиста вымываютъ и вытираютъ, чтобы не осталось на немъ ни малѣйшихъ частицъ ногтей.

Извѣстно всякому, что мусульмане хоронятъ своихъ покойниковъ въ тотъ же день или даже черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти, вслѣдствіе чего у нихъ пожалуй должны поэтому чаще верѣчатся, нежели у народовъ другихъ религій, случаи заживо погребенныхъ или мнимоумершихъ, стоны и вопли которыхъ, доносящаяся изъ могилъ, и бываютъ ими слышны. Такіе случаи встрѣчаются, какъ видно, и у каракиргизовъ, что доказывается существованіемъ у нихъ выраженія „курунде-укурубъ-ятуръ“, т. е. стоны или возгласы, слышныя изъ могилъ. Эти стоны или возгласы мнимо-умершихъ каракиргизы объясняютъ такъ: Господь Богъ отказался отъ такихъ лицъ и мучаетъ ихъ жестоко за какія либо недобрыя и злыя ихъ дѣянія на землѣ, каковыя не были извѣстны при ихъ жизни даже ближайшимъ ихъ родственникамъ, почему могилы этихъ несчастныхъ мнимо-умершихъ считаютъ погаными и на этомъ основаніи бату (молитву) не только не дѣлаютъ надъ ними, но и совсѣмъ избѣгаютъ и обходятъ. Если же возгласы и стоны были слышны изъ могилы до начала поминокъ (ашъ), то таковыя совсѣмъ не дѣлаются, потому что душа умершаго недостойна поминовенія и уже находится далеко въ преисподней „джаганнамъ“ или въ аду „дузакъ“.

Аджаль или афать, уфать — Смерть. — Представляютъ въ двухъ видахъ: людямъ недостойнымъ, злымъ и нечестивымъ смерть является въ образѣ мужчины или женщины разныхъ лѣтъ въ одеждѣ и съ различнымъ оружіемъ въ рукахъ, какъ то: саблей — „кычъ“, ножомъ — „пчакъ“, ножницами — „кайми“, ножницами, которыми стригутъ барановъ — „джуушакъ“, топорикомъ — „айбалта“ (сѣкира), палками — „союль, баканъ“, дротикомъ — „чокмаръ“ и другимъ какимъ либо оружіемъ. Людямъ благочестивымъ, достойнымъ и угоднымъ Богу смерть является въ образѣ муллы, сопы и дувана, головы которыхъ обмотаны большими чалмами!

Этимъ пока я и закончу мою настоящую статью. Насколько собраннй мною матеріалъ представляетъ интересъ и будетъ служить выраженіемъ характеристики міровоззрѣнія каракиргизовъ — объ этомъ

предоставляю судить специалистамъ. Одно только скажу—что собранный мною матеріалъ слишкомъ малъ, болѣе энергичный изслѣдователь соберетъ въ этомъ направленіи обильную жатву. По отсутствію у меня надлежащихъ источниковъ, я не могу также сдѣлать никакихъ сомненій и сопоставленій, почему и представляю его въ такомъ старомъ видѣ.

Θ. Поярковъ.

Гор. Пишпекъ.

1899 года

Генваря 6 дня.